

INSPIRIA

ШОН ХЭМИЛЛ

КОСМОЛОГИЯ МОНСТРОВ

INSPIRIA

Universum. Дом монстров

Шон Хэмилл

Космология монстров

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Хэмилл Ш.

Космология монстров / Ш. Хэмилл — «Эксмо»,
2019 — (Universum. Дом монстров)

ISBN 978-5-04-111848-8

«Кошмары героев станут вашими кошмарами». Стивен Кинг Монстры преследуют семью Тернеров. Ной, самый младший, рассказывает историю семейства. Как в конце шестидесятых его мать, любительница книг, вопреки здравому смыслу, вышла замуж за Гарри, фаната Лавкрафта. У них родились две дочери, такие разные Сидни и Юнис. Денег нет, Маргарет и Юнис мучают кошмары, а Гарри начинает себя странно вести. Он одержим строительством изощренного аттракциона «дом с привидениями», который называл «Блуждающая тьма». Семья пытается защитить Ноя от фальшивых ужасов, но они не знают, что его навещает монстр, лохматый зверь с яркими глазами. Чудовище, которое мельком видели мать и сестра. Ной решает впустить существо... История семейства приближается к завершению и становится очевидно, что у Ноя есть только один способ все закончить... Роман в жанре литературного хоррора. Изящная смесь семейной драмы и фантастики ужасов. Финалист премии Гудридс. «Лучшая книга осени 2019» по версии Esquire. Переведен на 5 языков. «Изысканно написанная «Космология монстров» одновременно прекрасна и завораживающа. Шон Хэмилл создал лучшую историю ужасов: полную любви и страха, которая заставит вас пересмотреть свое определение того, что такое монстр». Дженнифер Макмахон «Очень страшная сказка о взрослении, которая живет в том же пространстве, что и «Очень странные дела», «Останься со мной» и «Оно» Стивена Кинга... То, как Хэмилл ловко прокладывает себе путь между фантасмагорическими элементами и повседневными драмами, напоминает о Кинге... Законченная, жуткая сага ужасов и многообещающий роман от нового автора с богатым воображением». KIRKUS REVIEWS

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-111848-8

© Хэмилл Ш., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	9
Секвенция Тёрнеров I. Маргарет	30
Часть вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Шон Хэмилл

Космология монстров

Shaun Hamill
A COSMOLOGY OF MONSTERS

Copyright © 2019 by Shaun Hamill
This edition is published by arrangement
with The Friedrich Agency and The Van Lear Agency

Оформление Елены Куликовой
Иллюстрация на переплете Ольги Закис

© М. Сороченко, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Посвящается моей матери Патрис Хэмилл,
моей учительнице Лауре Кончик
и моей жене Ребекке Х. Хэмилл*

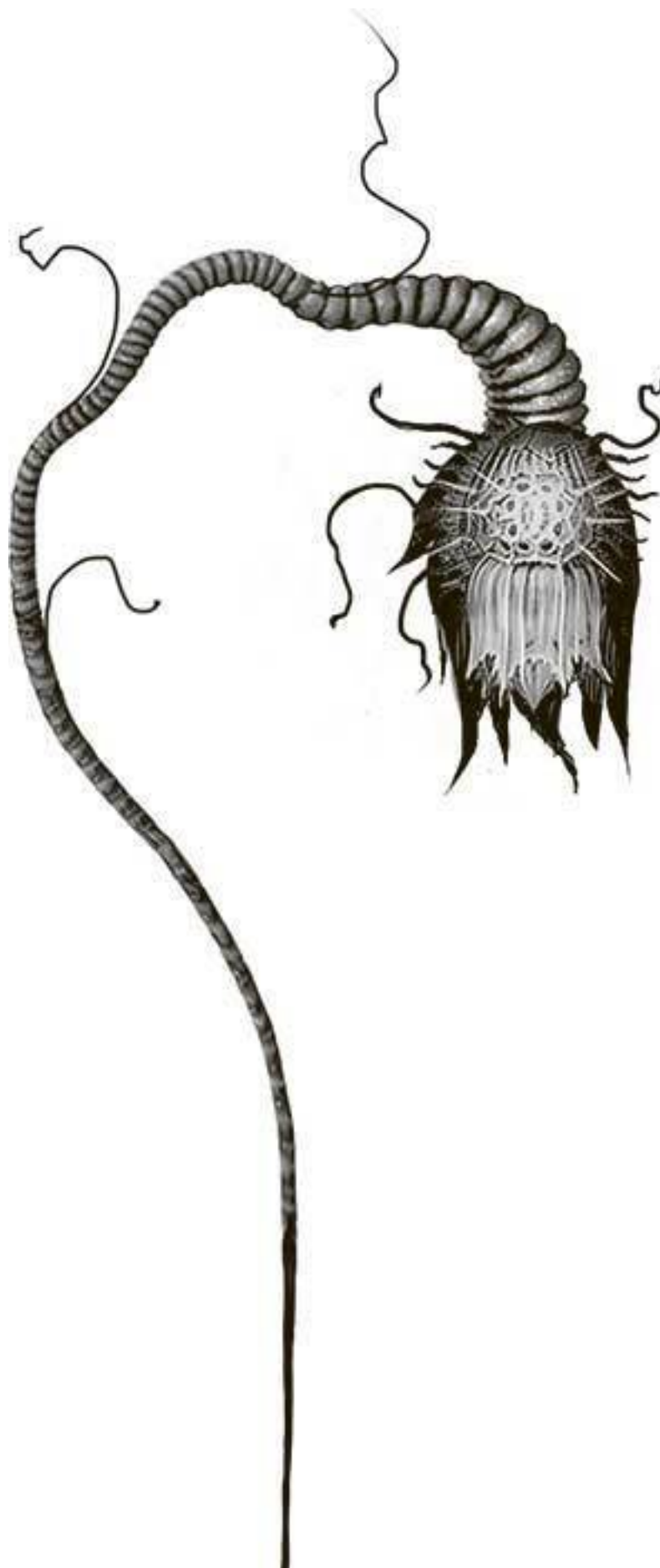
«Он ловко играл на струнах нашей души. Каким-то образом он проникал в самые темные уголки нашего сознания, улавливал тайные страхи и показывал их на экране. История Лона Чейни – это история неразделенной любви. Он обнажал нашу сущность: страх того, что вас не любят и никогда не будут любить; и боязнь, что внутри вас обнаружится нечто настолько гротескное, что мир мгновенно от вас отвернется».

– Рэй Брэдбери

«Когда он лег спать, то увидел совершенно невероятный сон об огромных Циклопических городах из титанических блоков и о взметнувшихся до неба монолитах, источавших зеленую илистую жидкость и начиненных потаенным ужасом. Стены и колонны там были покрыты иероглифами, а снизу, с какой-то неопределенной точки звучал голос, который голосом не был; хаотическое ощущение, которое лишь силой воображения могло быть преобразовано в звук, и тем не менее Уилкокс попытался передать его почти непроницаемым сочетанием букв – «Ктулху фхтагн».

– Г.Ф. Лавкрафт, «Зов Ктулху»

Часть первая Картина в доме

1

В возрасте семи лет я начал собирать суицидальные записки своей старшей сестры Юнис. Они до сих пор хранятся в нижнем ящике моего стола, скрепленные черной скрепкой. Эти записки – то небольшое, что мне разрешили взять с собой, и я часто перечитывал их в последние месяцы, пытаясь отыскать в них утешение, мудрость или хотя бы намек на то, что я сделал правильный выбор ради всех нас.

В конце концов, узнав, что я собираю и храню ее послания, Юнис стала адресовать их лично мне. В одном из моих любимых она пишет: «Ной, счастливых финалов не бывает. Есть лишь удобные места для остановки».

Моя семья всегда тяготела к удивительно скверным концовкам. Мы не способны подходить к финалу с должным изяществом, но и выстраивать начало у нас тоже получается не очень. Например, до недавнего времени первую четверть этой истории я просто не знал, поэтому провел большую часть юности и молодости, как Джервас Дадли¹, разгуливавший вокруг запечатанных гробниц членов своей семьи. Именно от такой душевной боли я хочу оградить вас – кем бы вы ни были. С этой целью я начну свой рассказ от самых отдаленных краев тени, нависшей над моей семьей, а именно – с истории собственной матери, высокой, светлокожей и рыжеволосой женщины по имени Маргарет Бирн, и событий осени 1968 года.

2

Моя мать, как и я сам, появилась у своих родителей довольно поздно. Но, в отличие от меня, ей повезло родиться в семье состоятельной. Отец Маргарет Кристофер Бирн работал поставщиком женской одежды для универмагов Дилларда и пользовался тесными личными связями с самим владельцем – Уильямом Т. Диллардом.

Маргарет плохо знала отца. Она воспринимала его как обворожительного незнакомца, от которого постоянно пахло сигаретами и который всегда привозил подарки из своих поездок в Нью-Йорк – в основном оригинальные записи бродвейских мюзиклов, которые он успевал посетить в командировках. Справедливости ради следует отметить, что она никогда ни в чем не нуждалась. Она росла в большом доме в пригороде Мемфиса, штат Теннесси, пользуясь щедрым денежным содержанием, хорошей одеждой и наличием автомобиля. Когда пришло время, она поступила в родительскую альма-матер – Тилденский колледж, маленькое консервативное христианское учебное заведение в Серси, штат Арканзас.

«Тебе никогда не придется беспокоиться о деньгах», – твердила мать Маргарет, и в 1965 году ее слова звучали убедительно. Дедушка добился таких успехов у Дилларда, что в 1966 году, когда мама поступила на первый курс колледжа, он оставил большую компанию и открыл свой собственный магазин. Однако к зиме 1967 года бизнес захирел, и следующим летом мать Маргарет сообщила ей нерадостную новость: идея с магазином потерпела полное фиаско. Бирны оплатят еще один год обучения Маргарет, но ей придется попрощаться с машиной, ежемесячным денежным содержанием и местом в общежитии.

Тогда Маргарет напомнила родителям, что ей понадобится по меньшей мере два года, чтобы закончить хотя бы бакалавриат по английскому языку, не говоря уже о степени магистра по библиотечному делу, на что мать ответила следующее: «Советую вначале позаботиться о замужестве, а уж потом начинать думать о бакалавриате».

---

¹ Джервас Дадли – главный герой рассказа «Склеп» (англ. The Tomb) Г.Ф. Лавкрафта.

Несколько обескураженная Маргарет сделала все возможное, чтобы справиться с почти безвыходной ситуацией. Вернувшись осенью в Серси, она нашла работу в «Бартлби», единственном книжном магазине в городе, и сняла комнату у его же владелицы Риты Джонсон, вдовы, которая поклонялась лишь письменному слову, а политические предпочтения сводились скорее к Бетти Фридан², чем к Ричарду Никсону³. Миссис Джонсон проживала в уютном двухэтажном домике недалеко от студенческого кампуса, брала за аренду сущие гроши и не устанавливала почти никаких правил. Ей было все равно, за какими занятиями проводит время Маргарет, лишь бы та не водила мальчиков на второй этаж. Телевизором и проигрывателем Маргарет также могла пользоваться без ограничений: главное, чтобы не слишком громко.

Новоприобретенная свобода привнесла с собой резкую, почти пугающую перемену в образе жизни по сравнению со строгими правилами студенческого общежития. Маргарет никогда не хотела учиться в Тилдене – с его писаными принудительными моральными обязательствами и непременно посещением воскресных утренних богослужений. Она поступила туда лишь потому, что это был единственный колледж, за который был согласен платить ее отец. В итоге она смирилась с необходимостью терпеть многочисленные религиозные ритуалы в надежде обрести высшее образование, карьеру и свою собственную жизнь. Но на вкус настоящую жизнь она впервые попробовала только теперь, поселившись у миссис Джонсон.

Маргарет полюбила свое новое пристанище и обретенную свободу, а больше всего – тусклое освещение и узкие проходы между стеллажами магазина «Бартлби». Ей нравилось расставлять на полках свежие книжные поступления, устраивать тематические выставки и помогать своим покупателям – родственным душам по охоте за интересными историями. Единственной досадной помехой в ее работе стал молодой человек по имени Гарри, приходивший в магазин примерно два раза в неделю и задававший вопросы, на которые, как она подозревала, он уже знал ответы: например, кто написал «Большие надежды»⁴ или где она хранит биографии. Он всегда благодарил Маргарет за информацию, но независимо от того, чем он интересовался, каждый его визит неизбежно заканчивался одним и тем же: Гарри устраивался на полу у секции фантастической литературы и читал книги, при этом никогда их не покупая.

На вид он был молод, примерно одного возраста с Маргарет, и она решила, что он тоже учился в Тилдене. Маргарет недоумевала, как он находит время для того, чтобы так много читать и учиться одновременно. Кроме того, если он поступил в Тилден, то, вероятно, может позволить себе покупать книги и читать их дома. Зачем терять время и слоняться без дела? Поведение молодого человека действовало ей на нервы, но всякий раз, когда она осторожно пыталась его расспрашивать, он ставил неприобретенный товар на полку и с извинениями уходил.

Какое-то время она трудилась в магазине по тридцать два часа в неделю, посещая занятия и занимаясь учебой в свободное от работы время, но выдерживать эту повседневную рутину оказалось тяжелее, чем она ожидала. Работа, даже такая относительно легкая, как в спокойном «Бартлби», все равно истощала физические силы. После полной смены у нее гудели ноги, а мозг напоминал выжатую губку. Все, что ей хотелось в такие минуты, – это прилечь на узкий диванчик миссис Джонсон и тупо смотреть в телевизор. Учеба по вечерам, когда Маргарет делала над собой усилие, превращалась в медленный, монотонный и очень трудоемкий

² Бетти Фридан (Бетти Наоми Гольдштейн; 1921–2006) – одна из лидеров американского феминизма. Получила известность после публикации своей книги «Загадка женственности» («The Feminine Mystique») в 1963 году. В 1966 году создала Национальную организацию женщин США и стала ее президентом.

³ Ричард Милхауз Никсон (1913–1994) – 37-й президент Соединенных Штатов Америки, победивший на выборах в 1968 году.

⁴ «Большие надежды» (англ. Great Expectations) – предпоследний законченный роман Чарльза Диккенса, впервые изданный в 1861 году. Имея огромное число экранизаций и театральных постановок, принадлежит к числу самых популярных произведений писателя.

процесс. Ей было трудно сосредоточиться и приходилось снова и снова перечитывать параграфы (или даже отдельные предложения), чтобы уловить хоть какие-то намеки на смысл. Она постоянно ощущала усталость, просыпала, пропускала занятия, отдавала выполненные задания слишком поздно или вообще их не делала. Немудрено, что к концу сентября текущие оценки стали хуже некуда.

Страховочная сеть, заброшенная в голову циническим голосом матери, явила себя в образе Пирса Ломбарда – мальчика, посещавшего вместе с ней занятия по предмету «Западная культура». Высокий и худой, с короткой прической, вышедшей из моды лет десять назад, и тяжелыми веками с набрякшими мешками, он выглядел вечно сонным и на дюжину лет старше своего фактического возраста (а было ему двадцать лет), но приглашал Маргарет по меньшей мере на одно свидание в неделю и происходил из богатой семьи куриных магнатов. Если вы покупали еду в продуктовых магазинах на юге Соединенных Штатов в середине двадцатого века, то одна из приобретенных куриц наверняка оказалась бы выращенной Ломбардами. Иногда Пирс пытался рассказывать Маргарет о бизнесе своей семьи, но всякий раз ее внимание рассеивалось.

Они не часто посещали кинотеатры, поскольку Пирс не одобрял большинство современных фильмов (он был консервативен и слишком набожен даже по меркам Тилдена). Но если такое случалось, то Пирс замирал в кресле по стойке «смирно» и сидел так до самого конца, никогда не смеясь и даже не улыбаясь. Иногда Маргарет смотрела в темноте не в экран, а на него и размышляла про себя: «Если сейчас он выглядит на тридцать лет, то на кого станет похож через десять? А через двадцать, когда его окончательно подомнет под себя куриное предпринимательство?»

Впрочем, он был вежлив, всегда открывал перед ней двери, говорил «пожалуйста» и «большое спасибо». Когда они уединялись в его «Мерседесе», то все поцелуи, которые он ей дарил, казались математически точно рассчитанными, чтобы ни в коем случае не пересечь границу между страстью и благовоспитанностью – даже если его руки ложились на ее талию, живот или лицо. «Хорошая девочка» Маргарет, пока еще девственница, воображала себе, что настоящая любовь должна быть похожа на полноконтактный спорт – интенсивный и опасный, наподобие того, что происходит на железнодорожных путях или на лесной подстилке, когда два распаленных страстью тела стремятся выразить друг другу чистоту духа. Маргарет задавалась вопросом, ждет ли Пирс – сам «хороший мальчик» – того, что она продемонстрирует духовное родство с ним, прежде чем дать волю страсти, поэтому однажды вечером в начале октября она наклонилась над его коленями и сжала рукой пах. Пирс вздрогнул, оттолкнул ее от себя и отполз в дальний конец водительского сиденья.

– Зачем ты это сделала? – спросил он.

– Потому что мне захотелось, – ответила она.

– Это не причина, – сказал Пирс. – Мы не должны так поступать.

После этого он отвез ее домой и даже не поцеловал на ночь.

Она всегда считала, что религия – это то, чем следует заниматься в благовоспитанной компании, а не наедине с кем-то. Никто же на самом деле не верит в ту ерунду, о которой рассказывают по воскресеньям. Пирс – мальчик. Разве мальчики не должны толкать девочек на большее, пытаясь понять, сойдет ли им это с рук? Неужели кто-то всерьез считает, что Иисусу Христу есть какое-то дело до того, как они используют свои интимные части тела? Разве Пирс не должен был быть вне себя от радости от того, что она проявила некоторый интерес к его пенису?

После того случая Пирс перестал общаться с Маргарет и даже отсел подальше во время занятий и богослужений. Правда, вновь приобретенное свободное время несколько не помогло ей исправить оценки – Маргарет провалила три теста подряд. Возвращая контрольную работу с оценкой «неудовлетворительно» на первой странице, профессор алгебры только пробормотал:

– Соberитесь, мисс Бирн...

Она чувствовала в себе неясный растущий гнев, вызванный окружающей ее несправедливостью. Почему она должна страдать от того, что ее отец оказался плохим бизнесменом? Почему она решила, что в ее обязанности входит убеждать болвана с вечно заспанным лицом в том, что ее телом можно и нужно наслаждаться? Как вообще можно добиться успеха, когда жизнь складывается подобным образом?

В тот день, когда ей вернули контрольную по алгебре, Маргарет пришла на работу в «Бартлби», кипя от гнева. Почувствовав ее эмоциональное состояние, миссис Джонсон поспешила оставить ее в секции фантастики наедине со свежими книжными поступлениями. И все было бы прекрасно, если бы проход между стеллажами не перегородил Гарри, рассевшийся спиной к полкам с раскрытой книгой на коленях. Табличку-объявление «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЧИТАЙТЕ КНИГИ», которая висела прямо над его головой, он нагло проигнорировал.

Маргарет скрестила руки на груди и встала над ним с сердитым видом. Длинная тень от солнца, светившего из окна позади нее, протянулась от Маргарет по проходу и упала прямо на молодого человека.

– Привет, Маргарет, – сказал он и улыбнулся. – А я как раз хотел поинтересоваться, есть ли у вас книги Филипа Рота⁵? – Когда она не ответила на его улыбку, он спросил: – В чем дело?

– Ты вообще читать умеешь? – злобно выпалила она. – Ты понимаешь написанные слова или просто тупо переворачиваешь страницы? Или сидишь здесь только для того, чтобы выглядеть умнее?

– Я умею читать, – ответил он.

– Тогда почему ты...

Она сорвала объявление, висевшее на полке над его головой, и попыталась швырнуть ему в лицо. Тонкий лист затрепетал подобно опавшему листу и неторопливо опустился на пол между ними. Гарри проследил за его падением до конца и только тогда поднял глаза на Маргарет.

– Но почему бы и нет? – спросил он.

– Потому что ты не можешь... Потому что такое правило: «Почитал – купил!» – Она схватила его за плечо. – Встань!

Несколько обескураженный силой ее ярости, Гарри сделал, как было велено, и позволил Маргарет отконвоировать его к центральной стойке, за которой сидела миссис Джонсон. Раскрытая книга так и осталась у него в руках.

– Гарри готов расплатиться, – сказала Маргарет и подтолкнула его к кассе.

Он бросил на нее тоскливый взгляд, но положил книгу на прилавок. Это был большой глянцевоый том в твердом переплете – такими обычно украшают кофейные столики.

Миссис Джонсон взяла книгу в руки и взглянула на цену на обложке.

– Ты в этом уверен, Гарри?

Он буркнул нечто утвердительное, и миссис Джонсон набрала цифры на кассе. Гарри поморщился, когда она произнесла сумму вслух, но вытащил выцветший потрескавшийся бумажник и заплатил. Миссис Джонсон вложила книгу в фирменный пакет «Бартлби», после чего Гарри пробормотал слова благодарности и ушел.

Миссис Джонсон проводила его взглядом, прежде чем обратиться к Маргарет:

– Ну и что это было?

– Ничего, – ответила Маргарет.

– В самом деле ничего или «ты-просто-не-хочешь-говорить-об-этом»?

– А сами как считаете, миссис Джонсон?

– Следите за языком, юная леди.

---

⁵ Филип Милтон Рот (1933–2018) – американский писатель, автор более 25 романов.

Маргарет вернулась к заполнению книжных полок. По мере того как продвигалась работа, гнев ее угасал, пока не исчез вовсе, оставив только удивление от силы охватившей ее вспышки. Мало-помалу она вспоминала детали, на которые прежде не обращала внимание: и порванный рукав рубашки с пуговицами, которую носил Гарри, и ее застиранный до невозможности вид; и потертости на коленках джинсов; и неясный жирный запах непонятного происхождения, постоянно сопровождавший Гарри.

К концу рабочего дня ее начал мучить глухой стыд, который только усилился, когда, выйдя из магазина, она обнаружила на парковке Гарри. Он сидел, скрестив ноги, на капоте старого потрепанного «Шевроле» со сложенными на коленях руками. Ей редко доводилось видеть такие древние машины в кампусе. Может, он был стипендиатом? Или, как она, пытался получить образование, одновременно работая? С пылающим от стыда лицом она заставила себя к нему приблизиться.

– Это была дорогая книга, – сказал он.

– Ты можешь ее вернуть. Если сохранился чек, можно получить деньги обратно.

Он поморщился.

– Я не могу так поступить с миссис Джонсон. Она всегда ко мне хорошо относилась.

– Тогда, может быть, я верну тебе деньги? – спросила она и принялась рыться в сумочке в поисках кошелька.

Он покачал головой из стороны в сторону с таким видом, словно пытался переубедить самого себя.

– Сегодня я хотел сходить в кино. Если ты действительно хочешь извиниться, то могла бы купить билеты.

– Ты хочешь, чтобы я пошла с тобой в кино?

– Я веду машину, – сказал он. – Ты платишь за билеты.

– И что ты хочешь посмотреть?

– В Литл-Роке сегодня будет «Ребенок Розмари».

Маргарет уже слышала об этом фильме. На прошлой воскресной проповеди священник осудил его в весьма ярких эмоциональных выражениях: богохульный, нечестивый, омерзительный! Любой учащийся, пойманный на просмотре этого фильма (или за чтением романа Айры Левина, по мотивам которого он был снят), будет немедленно исключен. Но ни из предупреждения доктора Лэндона, ни из памятки, разосланной по всему кампусу, не было понятно, почему же его считают настолько непристойным и богохульным.

Если бы Маргарет по-прежнему жила в общежитии, то о подобном не могло быть и речи. Но миссис Джонсон ни за что ее не выдаст. Владелица магазина «Бартлби» считала, что каждая история должна быть доступна любому – независимо от ее возможной аморальности. Скорее всего, она даже будет гордиться тем, что Маргарет самостоятельно приняла такое решение.

Однако Литл-Рок находился в пятидесяти милях от Серси, а у Маргарет еще оставалось незаконченное домашнее задание по химии, о чем она немедленно сообщила Гарри.

– Я отвезу нас быстро. Туда и обратно, – ответил он.

Она посмотрела на свой простой свитер и юбку, в которых с утра ходила в колледж. Не самый лучший наряд для первого свидания, но ведь речь идет о возмещении ущерба, а не о романтике? К тому же простая одежда наверняка будет соответствовать его ожиданиям.

– Тогда едем, – сказала она.

3

«Ребенок Розмари» оказался фильмом ужасов с участием той самой молодой актрисы из «Пейтон-Плейс»⁶. Сюжет повествовал о молодой супружеской паре, которая переехала в новую квартиру и попала в ловушку, устроенную пожилыми и выжившими из ума соседями-сатанистами. Маргарет купила билеты, а Гарри заплатил за попкорн и сладкую газировку. Во время просмотра фильма их пальцы несколько раз соприкасались в ведерке с попкорном, но Гарри даже не попытался взять ее за руку или приобнять. Весь фильм он таращился в экран, поглощенный своими мыслями.

Фильм пугал не внезапными страшными моментами, но тревожил на каком-то более глубоком, первобытном уровне. Маргарет обнаружила, что отождествляет себя с заглавным персонажем – той самой Розмари, запуганной и изолированной собственным мужем и соседями, изнасилованной дьяволом и не нашедшей другого выхода, кроме как стать матерью для порождения от этого нечестивого союза. Когда Розмари стала укачивать ребенка в черной колыбельке и по экрану поползли титры, Маргарет ошеломленно откинулась в кресле. Это вообще законно – завершать фильмы таким вот образом? С побежденной героиней и торжествующим дьяволом?

Сильное впечатление от фильма длилось до тех пор, пока Гарри не нарушил тишину на парковке:

– Если поторопимся, то я доставлю тебя домой к половине одиннадцатого.

Маргарет позволила ему открыть перед ней дверь машины, после чего внимательно изучила его лицо. У Гарри был длинный нос над маленьким ртом с заостренным подбородком и карие глаза под густыми темными бровями. Конечно, она вряд ли бы выделила его среди других мужчин на какой-нибудь вечеринке, но стоило признать, его лицо излучало приятное добродушие. Маргарет почувствовала, как рассеиваются последние остатки тумана, навеянного фильмом.

– Ты хочешь есть? – спросила она. – Я умираю с голоду.

– Не отказался бы, – признался он.

И они отправились в «Макдоналдс», расположенный в нескольких кварталах от кинотеатра, – вероятно, единственное место в городе, где можно было поесть в такое позднее время. Выбираясь из машины, Маргарет схватила пакет «Бартлби», лежавший на сиденье между ними.

– Хочу посмотреть, что за книга лишила меня времени для сегодняшней учебы, – сказала она.

– Может, лучше сначала поешь, а потом уже посмотришь? – предложил Гарри. – Там довольно мерзкие картинки.

Он попросил занять для них место, а сам отправился делать заказ. Маргарет села на диванчик у окна, достала из пакета книгу и положила ее на стол. «Видения Ктулху: иллюстрации, вдохновленные творчеством Г.Ф. Лавкрафта». На обложке было изображено огромное существо жуткого вида, относительно человекообразное, с толстыми мускулистыми зелеными руками и ногами, на конце которых торчали когти вместо пальцев. На плечах монстра располагалась не голова, а кошмарный кальмар со множеством выпуклых глаз и щупалец, свисавших поверх груди и гигантского круглого живота. Из спины выступала пара острых, но каких-то хрупких на вид крыльев, и Маргарет удивилась, как такое тучное существо может летать.

⁶ «Пейтон-Плейс» (англ. Peyton Place) – долгоиграющая американская мыльная опера, транслировавшаяся на телеканале ABC в прайм-тайм с 15 сентября 1964-го по 2 июня 1969 года. Упомянутая актриса – Миа Фэрроу, снимавшаяся в сериале с 1964 по 1966 год.

– Надеюсь, эта дрянь не отбила у тебя аппетит?

Гарри уже стоял рядом с ней с подносом, наполненным бургерами, картошкой фри и газировкой.

Маргарет постучала пальцем по обложке книги.

– Это Кутулху? – спросила она, и по его ухмылке поняла, что ошиблась.

– Да, в исполнении одного художника, – ответил он. – И произносится «Ктул-ху».

Маргарет пододвинула книгу к себе, чтобы освободить место для еды.

– Совсем не ужасный. Просто мерзкий, как отвратительная версия толстого Будды из китайского рестораника.

Гарри рассмеялся и наклонил голову, чтобы получше рассмотреть.

– Да, чем-то похож.

– А он должен быть страшным?

Он сел напротив нее.

– В этой истории он страшный. Но, возможно, это одна из тех вещей, которые очень трудно визуализировать – лучше подключить собственное воображение.

Она открыла книгу и перелистнула несколько страниц наугад. На развороте обнаружилось изображение еще одного монстра – в этот раз более неопределенного и аморфного: сплошная масса плоти с четырьмя черными глазами, сияющим ртом, похожим на вульву, усеянную острыми зубами, и массой щупалец, извивающихся из спины. Существо плыло среди звезд, подавляя своими размерами маленькую планету, изображенную на переднем плане.

– А это кто? – спросила она.

– Азатот, – ответил Гарри, разворачивая свой чизбургер.

Маргарет неохотно закрыла книгу и положила ее на сиденье рядом с собой. Затем вытащила картофельную соломку из одного из маленьких засаленных пакетиков, лежавших на подносе.

– Значит, все картинки в этой книге нарисованы по рассказам этого самого Лавкрафта?

Гарри кивнул и откусил от чизбургера.

– Какая толстая... – продолжила она. – Должно быть, он придумал очень много монстров.

Гарри прикрыл рот рукой и ответил, не прожевав до конца:

– Целую кучу. И все они связаны между собой.

– Они, что, родственники? Как семья?

Гарри проглотил еду и запил ее газировкой.

– Некоторые. Но я имел в виду, что все они существуют в общем мире. Вроде тех фильмов, в которых Дракула встречается Франкенштейна.

Маргарет пожала плечами.

– Я видела тот, в котором Эбботт и Костелло⁷ встретили Человека-волка.

– В основе – та же идея. Все они делят между собой пространство, дышат одним и тем же воздухом. Точно так же как, например, в книгах Уильяма Фолкнера почти все события происходят в одном и том же округе.

– На занятиях по английскому ты такие же сравнения приводишь?

– Уже нет, – ответил он. – Моя учеба закончилась.

– Профессора такое не одобряли? – спросила она.

Он хотел что-то ответить, но потом передумал и засунул в рот картошку.

---

⁷ Эбботт и Костелло – американский комедийный дуэт в составе Бада Эбботта (1895–1974) и Лу Костелло (1906–1959), много выступавший на радио и телевидении в 1940-х и 1950-х годах.

4

Вернувшись к дому миссис Джонсон незадолго до полуночи, они некоторое время сидели в машине, пытаясь придумать, что еще сказать друг другу.

– Что ж, – нарушил наконец молчание Гарри, – спасибо за кино.

– А тебе спасибо за покупку дорогой книги, – ответила Маргарет. – Наш магазин ценит деловых людей.

Она рассмеялась собственной шутке, но смех прозвучал слишком резко и громко.

Гарри смотрел прямо перед собой, сжав губы с левой стороны лица.

– Увидимся в магазине?

– Спокойной ночи, Гарри, – ответила Маргарет, после чего скользнула по сиденью и поцеловала его в щеку. Кожа оказалась жесткой, со свеженаросшей щетиной.

Она вылезла из машины и пошла по дорожке, пытаясь решить для себя, стоит ли радоваться тому, что он не стал к ней приставать. Впрочем, довольно скоро ход ее мыслей прервался привычным учебным стрессом – задание по американской литературе еще даже не начато, а химические уравнения застряли в вычислительном чистилище.

– Эй!

Она обернулась и увидела бегущего к ней Гарри с чем-то непонятным в руке. Он остановился в одном шаге от нее и протянул маленькую книжку в мягкой обложке с растрескавшимся корешком: «Склеп» и другие рассказы Г.Ф. Лавкрафта». Книга была черного цвета с белым шрифтом, и картинка на ней изображала человеческий лоб, расколотый посередине. Из того места, где должен был быть мозг, во все стороны разбегались красные клопы⁸.

– Можешь попробовать почитать эту, – сказал Гарри. – Мама подарила мне ее на тринадцатый день рождения.

Маргарет взяла книгу.

– Ладно...

Она не успела договорить фразу, поскольку Гарри вдруг шагнул вперед, схватил ее лицо и закрыл рот поцелуем. И оторвался прежде, чем Маргарет успела сообразить, что происходит. Он бегом вернулся к своей машине, а она осталась на месте в полном ошеломлении – наедине с лестницей, ключами, дверью и мыслями о том, что надо было заказать гамбургер без лука.

5

Маргарет не спала всю ночь, читая «Склеп» – словно в книге, наполненной гениями, безумцами и почти неопишуемыми ужасами, содержался ключ к загадке поведения странного юного бездельника, с которым она поделила краткий луковый поцелуй.

Книга нисколько не помогла. Гарри ничуть не напоминал ни безумца, ни чудовище, ни, без обид, гения. Все, что она успела о нем понять, – это то, что у него был вкус к мрачной, но необычайно сухой и вымученной прозе. Лавкрафт ей показался почти нечитаемым. Во всех историях вроде бы присутствовали персонажи, поскольку на страницах назывались какие-то люди по именам, но они не росли в психологическом плане, не менялись и не участвовали в каком-то осмысленном человеческом общении. Всякий раз, когда они открывали рот, их слова звучали как цитаты из антропоморфизованных учебников из альтернативных измерений. В большинстве историй повествовалось о единственном выжившем, рассказывавшем историю

---

⁸ Единственное подходящее под это описание издание данного сборника в действительности вышло позже, в 1975 году, в издательстве Ballantine Books, однако вместо клопов там были изображены летучие мыши (также красного цвета). Сюрреалистично-жуткие человеческие лица крупным планом были фишкой Джона Холмса (1935–2011), автора обложек данной серии.

исследования неких древних руин, который сходил с ума после того, как понимал, что руины эти построены (или до сих пор заселены) неким первобытным ужасом. Это был цветастый язык прилагательных, весьма далекий от того жуткого кошмара, которым были наполнены иллюстрации «Видений Ктулху».

С другой стороны, многие истории внушали убедительное ощущение мрачного откровения и постепенного осознания того, что уютный «реальный мир», заселенный людьми, – не более чем легкая занавеска, которая в любой момент может раздвинуться и обнажить бездну ужасов, скрывающуюся за ней. Это была своего рода противоположность Моисею с его горящим кустом⁹ или приключениям апостола Павла на пути в Дамаск¹⁰. Но с той же самой идеей в основе, какая была в религии: о том, что мир, в котором мы живем, – на самом деле не настоящий, а искаженный.

Обуреваемая этими мыслями, Маргарет явилась на следующее утро на занятия по «Западной культуре», слегка пошатываясь от бессонной ночи. Она даже не сразу заметила приближение Пирса Ломбарда, севшего рядом с ней.

– О, ты снова со мной разговариваешь? – насмешливо спросила она.

Он вздохнул, слегка раздув ноздри.

– Возможно, я слишком остро отреагировал, признаю. Но то, что ты сделала...

Она откинулась на спинку стула и подняла брови. Как интересно.

Опомнившись, Пирс приложил руку ко лбу.

– Я просто пытаюсь извиниться...

Он наморщил лоб, и Маргарет почему-то показалось, что она где-то такое уже видела.

– У тебя здорово получается. Я впечатлена.

– Могу я пригласить тебя куда-нибудь сегодня вечером? Я хочу по-настоящему, по-взрослому поговорить. Пожалуйста...

Впервые почти за неделю Маргарет почувствовала, как голос матери неприятно завибрировал у основания ее черепа. Слово «замужество» загорелось перед мысленным взором, как яркое клеймо. Но сегодня она слишком устала, чтобы говорить «нет».

Он повел ее в самый дорогой ресторан Серси под названием «У капитана Билла», стены и потолки которого были украшены старыми рыболовными сетями и гарпунами. Подавали там жаркое из креветок, омаров и говядины. Пирс предложил ей ни в чем себе не отказывать и первым заказал омара, чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений. Маргарет ограничилась салатом. Она никогда не ела омаров. Вся эта грязная возня – с нагрудными салфетками, избытком жижи, треснувшими панцирями и крошечными кусочками мяса внутри паукообразных лап – вызывала у нее лишь отвращение. С таким же успехом мать с отцом, любившие это блюдо, могли поесть гигантских красных жуков. Эта мысль напомнила ей об обложке «Склепа», и она еще раз порадовалась, что заказала только салат.

Она доела его раньше, чем Пирс закончил колоть, ковырять, макать и чавкать. Его лоб блестел даже в приглушенном свете ресторана, и она задумалась – а не лысеет ли он уже? К тому же как можно настолько обильно потеть над одним омаром? Наверное, это не очень хороший признак.

Когда официант принес счет, Пирс положил его на середину стола и вытащил бумажник из кармана пиджака. Переведя взгляд со счета на Пирса, она заметила, что он внимательно наблюдает за ней, очевидно желая удостовериться, что она увидела общую сумму. Потом, сде-

---

⁹ Согласно Книге Исхода, основатель иудаизма Моисей получал прямые указания от Бога из горящего, но негорающего кустарника (Неопалимой купины).

¹⁰ Апостол Павел, до крещения носивший имя Савл, был воинствующим фарисеем, активно участвовавшим в преследовании первых христиан. Как повествует книга «Деяния святых апостолов», на пути в Дамаск он неожиданным образом услышал неведомый голос «Савл! Савл! Что ты гонишь меня?» и на три дня ослеп. В Дамаске его исцелил христианин Анания, после чего Савл крестился.

лав простодушный вид, Пирс бросил на стол несколько банкнот и небрежно разрешил официанту оставить сдачу себе.

«Он старается, как умеет», – упрекнула себя Маргарет.

После ужина (и горсти бесплатных мятных леденцов) они поехали на стоянку возле городского парка. Стояла ясная звездная ночь. Созвездия напомнили Маргарет Азатота из «Видений Ктулху» – вагинообразного монстра, перемещающегося по небу с помощью щупалец. Она сонно гадала о том, что сейчас делает Гарри, и жалела, что не поспала перед свиданием хотя бы часок.

Она даже слегка задремала, когда Пирс произнес:

– Тебе не обязательно сидеть так далеко.

Он хлопнул по сиденью рядом с собой, и Маргарет от неожиданности вздрогнула. Она придвинулась поближе. Он обнял ее, и она заставила себя прижаться к нему всем телом. Не так уж и противно. В этом было даже что-то успокаивающее. Человеческое.

– Ты еще сердишься на меня? – спросил он.

– Нет.

– Я бы понял, если бы ты сердилась. Я повел себя как настоящий болван.

– Все в порядке, – ответила Маргарет и похлопала его по груди.

Честно говоря, на самом деле она поняла, что ей все равно.

Пирс глубоко вздохнул.

– Правда в том, что я испугался, когда ты... сделала то, что сделала. Мы встречались так мало, и это случилось так скоро. Я не справился с собой, как положено мужчине. Вместо этого я убежал, словно маленький мальчик, и спрятался от тебя. Я спросил у Господа: «Зачем она это сделала? Она же хорошая девочка?» И Бог ответил мне: «Потому что она тебя любит!»

Маргарет напряглась.

– И часто ты разговариваешь с Богом?

Она никогда не молилась за пределами церкви или вне трапезы с другими христианами, но даже тогда лишь склоняла голову, закрывала глаза и говорила «аминь» в нужных местах. Во время молитвы ее мысли всегда где-то блуждали. И ей казалось, что точно так же ведут себя все, хоть и не говорят об этом вслух.

– Каждый день с утра до вечера, – ответил он. – Как бы то ни было, я хочу сказать, что Бог объяснил мне, что ты меня любишь и что я тоже тебя люблю. Потому я и убежал, так как не был готов себе в этом признаться. – Он поерзал на сиденье и посмотрел на нее сверху вниз. В лунном сиянии его лоб ослепительно сиял, и на нем вздулась венка. Она что – дергается? Все ли с ним в порядке? – Я люблю тебя, Маргарет. Я понимаю, что это слишком быстро, но мои родители всегда говорили: когда знаешь – просто знаешь. Если ты готова к серьезным отношениям, то я тоже готов. Я хочу, чтобы ты пришла ко мне в гости на День благодарения. Я хочу познакомить тебя со своей семьей.

Маргарет резко выпрямилась на сиденье. Пирс улыбнулся ей с какой-то великодушной благожелательностью, напомнившей ей улыбку отца в рождественское утро. Так смотрит человек, который приготовил для тебя дорогой подарок.

– Но это... слишком серьезный шаг, – пробормотала она.

– Я люблю тебя, Маргарет, – повторил он. Затем наклонился и поцеловал.

Она позволила ему опрокинуть себя на сиденье и улечься на нее сверху. Она приняла его поцелуи и неуклюжие движения рук. Но когда он стал покусывать ее за ухо и шею, она заметила за окном какое-то движение. Она резко повернулась, чтобы получше рассмотреть, но странное нечто исчезло. Тогда она попыталась вернуться к поцелуям и даже прикоснулась к лицу Пирса. Более того, поцеловала его сама, позволив ему засунуть в ее рот язык, показавшийся ей жирным скользким слизнем. Она открыла глаза и увидела, что, когда он страстно двигался на ее почти пассивном теле, жилка на его лбу действительно пульсировала. Подняв

голову, она отвернулась от него и снова заметила что-то снаружи – в этот раз со своей стороны машины. Там стояла крупная фигура с широкими сгорбленными плечами и двумя глазами, сверкавшими оранжевым светом сквозь стекло.

Маргарет охватила паника. Она приглушенно взвизгнула и, положив руки на плечи Пирса, принялась отталкивать его от себя. Она попыталась вытащить мужской язык из своего рта, чтобы предупредить его, но Пирс только застонал и стал теревить ее еще сильнее. Вена на голове вытянулась поперек лба, разделив его на два лоскута бледной потной кожи. Она стала извиваться в попытке высвободиться. Что-то зашевелилось под кожей его лба, вена дважды вздрогнула, а потом взорвалась.

Голова Пирса раскололась на две половинки, как арбуз, и сотни крошечных красных насекомых выплеснулись на ее лицо, волосы и стали затекать в пространство между платьем и плотью. Тысячи крошечных ног защекотали ее кожу в попытке вырваться на волю. Она оттолкнула Пирса от себя и попятилась назад, хлопая себя по телу. Она должна их снять, она должна выйти из машины, она умрет, если останется здесь...

Маргарет ухватилась за ручку двери позади себя и потянула. Дверь распахнулась, и она вывалилась наружу. Пирс пополз к ней через сиденье, она попыталась встать и отойти, чтобы не видеть его лица, не видеть, как пауки впиваются в его глаза, заполняют ноздри и лезут в рот, чтобы сожрать его изнутри... но она слишком устала от ночного марафона чтения, слишком запыхалась от криков и двигалась слишком медленно. Когда его лицо вновь появилось в лунном свете, ей ничего не оставалось, кроме как на него взглянуть.

Он вспотел, казался немного взволнованным и покрасневшим от прерванного возбуждения (но, возможно, и от тревоги), однако в остальном все было в порядке. Вена исчезла, и восковой лоб вновь стал гладким и плоским.

– В чем дело? – спросил он.

Он вышел из машины и опустился перед ней на колени.

Она моргнула несколько раз, тяжело дыша.

– Ничего, – ответила она, скорее себе, чем ему. – Все в порядке.

6

Маргарет объяснила, что прошлой ночью почти не спала, поэтому, возможно, увидела какой-то кошмар наяву. Он принялся играть роль обеспокоенного бойфренда, но не стал задавать слишком много вопросов. Однако она почувствовала, что вновь проголодалась, и, желая избежать дальнейших объятий, попросила Пирса поехать к «МакАвто».

И вот уже второй вечер подряд Маргарет оказалась в «Макдоналдсе». Только в этот раз она сидела и смотрела в окно машины Пирса, пока он заказывал для нее картошку фри и молочный коктейль. Лицо ее горело, будто она ткнулась носом в наждачную бумагу. Она не хотела говорить и не хотела ни о чем думать – она могла только смотреть в окно и плыть по течению. Пусть Пирс сам разбирается с бестелесным голосом, льющим из динамика. И все же даже этот безобидный разговор, состоявший из менее чем пятидесяти слов, вызвал у нее чувство беспокойства. В чем дело? Откуда взялась эта смутная паника в груди? Она повернулась на сиденье и оглядела машину, пытаясь разобраться в причинах своего дискомфорта. И только когда они подъехали к окошку выдачи, она все поняла.

Стекло отодвинулось, и из-за него показался Гарри.

Он встретился взглядом с Маргарет и открыл рот в явном удивлении.

– Вы уверены, что вам это нужно? – спросил он с легкой улыбкой, протягивая коктейль. – Здесь может оказаться корень танниса¹¹.

---

¹¹ Корень танниса – корень вымышленной травы, многократно упоминаемый в фильме «Ребенок Розмари». Описан как

– Извините... что? – спросил Пирс.

Маргарет слегка качнула головой. Гарри перевел взгляд с нее на Пирса.

– Прошу прощения, я пошутил, – ответил Гарри.

– Повторите, сколько я вам должен?

Гарри ответил, и они произвели обмен. После этого Гарри пересчитал деньги и закрыл окошко, а Пирс поехал дальше. Всю дорогу до дома миссис Джонсон Маргарет держала коктейль обеими руками, но так и не смогла заставить себя сделать глоток. Зайдя в дом, она вылила его в раковину, прежде чем подняться наверх. Действительно, корень танниса.

Она уснула почти мгновенно. Всю ночь ей снились воюющие звуки, будто где-то рядом страдал от боли волк или пес.

7

Мать Маргарет ужасно обрадовалась, когда та позвонила ей, чтобы сообщить новость о Дне благодарения. Она говорила так громко, что Маргарет пришлось держать трубку подальше от уха.

– Ты ж моя хорошая! – восклицала миссис Бирн.

– У меня очень плохие оценки, – сказала Маргарет. – Я отстаю по всем предметам.

– Тебе достаточно продержаться ровно столько, сколько нужно, чтобы выскочить замуж, – пояснила миссис Бирн. – Я верю в тебя, принцесса!

– Но, мам...

– Что?

– Я не чувствую...

– Не чувствуешь чего? – не поняла миссис Бирн.

«Не чувствую, что это правильно», – подумала Маргарет, но вслух сказала:

– Не чувствую пока, что это по-настоящему.

– Ты обязательно почувствуешь, – успокоила ее миссис Бирн, словно прочитав подтекст в голосе дочери. – Просто делай вид, что влюблена, и со временем все придет.

С тех пор каждое утро, собираясь на занятия, Маргарет повторяла эту мантру вновь и вновь: «Мы влюблены, мы любим друг друга». Чистя зубы, она старалась представить рядом с собой Пирса и то, как они по очереди сплевывают в раковину. Укладывая волосы и одеваясь, она пыталась заставить себя скучать по Пирсу и гадать о том, где он и чем сейчас занимается, а потом томиться в ожидании «Западной цивилизации». Она бежала, держа над головой воздушного змея их отношений, пытаясь поднять его в воздух самостоятельно. Но ей всегда казалось, что для этого нужны усилия двух человек.

Гарри перестал заходить в магазин. Она могла понять, почему он предпочел держаться подальше – ведь он скрывал от нее место своей работы, а она не просто об этом узнала, но сделала это прямо во время свидания с другим мужчиной, который к тому же ездил на «Мерседесе». На его месте Маргарет тоже предпочла бы отойти в сторонку. Бедный Гарри. Но у нее еще лежал его «Склеп», подаренный ему матерью. Наверняка он хотел бы получить книгу обратно, а Маргарет страстно мечтала от нее избавиться. Даже через две недели после того, как она чуть не сошла с ума в машине Пирса, ее продолжали мучить кошмары о притаившихся фигурах и далеких завываниях. Она почти не сомневалась, что во всем виновата книга. «Склеп» содержал историю под названием «Пес» – о парочке расхитителей гробниц, которые однажды откопали колдуна, умершего век назад, и нашли в гробу нечто нечеловеческое, чьи *«горящие глазницы смотрели со значением и злобой, а острые окровавленные зубы сжались в жуткой гримасе, словно предвещавшей ужасный конец. Когда же из оскаленной пасти про-*

гремел низкий, как бы насмешливый лай, подобный лаю гигантского пса... я закричал изо всех сил и бросился прочь».

Маргарет одолжила велосипед в гараже миссис Джонсон и поехала через весь город к «Макдоналдсу». Она прибыла как раз к обеденному перерыву и застала Гарри за кассой, обслуживающим длинную очередь клиентов. Он не заметил ее, когда она встала в очередь, поскольку все его внимание было сосредоточено только на том, кто находился прямо перед ним. Он выглядел счастливым, словно каждый клиент был для него именно тем человеком, которого он давно надеялся увидеть. Но так длилось лишь до тех пор, пока перед ним не оказалась Маргарет, и в этот миг его, казалось, до глубины души очаровал кассовый аппарат.

– Чем могу помочь? – сухо спросил он.

– Я хочу вернуть тебе книгу.

– Тогда верни мне книгу.

– Когда у тебя перерыв? – спросила она.

– Уже был.

– А когда заканчивается твоя смена?

Гарри вздохнул.

– В три часа.

Маргарет посмотрела на часы. На них было без четверти два.

– Я возьму... – сказала она, открыв кошелек и осмотрев его скудное содержимое. – Самую маленькую порцию картошки фри. Съем здесь.

Он принял заказ и выдал ей поднос с лежавшим на нем крошечным пакетиком картошки. Она отнесла поднос к столику у окна, села и принялась есть как можно медленнее – так медленно, что последняя съеденная соломка оказалась совершенно холодной и сырой. Но на все это ушло только пятнадцать минут. Тогда ее внимание переключилось на окно, на яркое голубое небо снаружи и на Гарри, принимавшего заказы у кассы. Как можно оставаться таким неизменно жизнерадостным?

Наконец в пять минут четвертого Гарри притащился к ее столику и рухнул напротив с тяжким стоном. Когда он сел, от него прокатилась волна запаха растительного масла, от которого живот Маргарет заурчал. Во время всего разговора он вертел в руках маленькую форменную шапочку «Макдоналдса».

– Чем могу быть полезен, Маргарет? – спросил он.

Она толкнула через стол «Склеп».

– Просто хотела убедиться, что ты заберешь свою книгу.

– Ценю, но оно того не стоило.

– Но ведь тебе ее подарила мама. Это же подарок на день рождения.

Он потер лицо и, прищурившись, уставился на потолок.

– Ну да. Конечно.

– К чему ты клонишь?

– Ни к чему. Просто... если бы ты посмотрела на дату публикации, то знала бы, что она вышла всего два года назад. Математически не складывается. Если ты, конечно, не считаешь, что мне всего пятнадцать лет.

Маргаретхватила книгу и проверила последнюю страницу.

– Но зачем ты мне соврал?

– Просто думал, что это повысит шансы на второе свидание. – Он окинул ее оценивающим взглядом. – Но ты ведь здесь не для этого.

Она поерзала на диванчике, пытаясь решить, что на это ответить.

– Все в порядке, – сказал он. – Я понял. Я хорошо разглядел твоего бойфренда и его машину. Довольно несложный выбор: студент из колледжа на «Мерседесе» или простой паренек, зарабатывающий на жизнь в «Макдоналдсе».

– Я и не подозревала, что ты не учишься в Тилдене, – ответила она. – Мне казалось, что ты такой же, как я, – в твоей жизни много трудностей, но ты самостоятельно пробиваешь себе дорогу.

– Думаю, я мог бы объяснить, – сказал он. – Но опять же – на втором свидании.

– Значит, ты не учишься? Но почему ты тогда не во Вьетнаме?

– Мой папа умер, а мама страдает параноидальной шизофренией, – ответил он. – Мне дали отсрочку. – Он покрутил шляпу на указательном пальце. Маргарет шевельнула губами, но не произнесла ни слова, и тогда он добавил: – Все нормально, честно. Тебе не нужно ничего объяснять.

– Мы можем остаться друзьями?

Шляпа слетела с пальца и упала на пол. Он наклонился, чтобы ее поднять.

– А как на это посмотрит наш Капитан Мерседес?

– Его зовут Пирс, – сказала она. – Он хороший. Добрый христианин.

– А для тебя это важно?

– Я учусь в христианском колледже, – ответила она. – А ты что, не веришь в Бога?

Он бросил свою шляпу на стол.

– Никогда не встречал этого парня.

Маргарет насмешливо фыркнула.

– Значит, твоя семья достаточно богата для Тилдена, но недостаточно, чтобы ты при этом не работала, – подытожил он.

– Папа всегда говорил, что мы состоятельны, но не богаты.

Она тут же пожалела о своих словах, возненавидев их за ужасную пошлость.

Он пожал плечами.

– Как по мне, бывают богатые и очень богатые. Но отсюда все выглядят одинаково.

Маргарет в свою очередь пожала плечами.

– Как скажешь. В любом случае у нас больше денег нет. Вот почему мне пришлось искать работу.

– А я работаю с четырнадцати лет, – ответил он. – Проработал все старшие классы.

– Попробуй заниматься тем же самым в колледже.

– В колледже? Это когда учишься всего двенадцать часов в неделю?

– Не только, – сказала она. – Еще есть домашние задания. Самостоятельные работы. Эссе.

Промежуточные и итоговые экзамены.

– И на кого ты учишься?

– На маркетолога, – ответила она, удивленная спонтанностью собственной лжи.

Он закатил глаза.

– Значит, после свадьбы ты вместе со своим добрым христианским мальчиком собираешься устроиться на работу в отдел маркетинга? Ты всерьез считаешь, что твоя тяжелая учеба принесет большие дивиденды в ближайшие десять лет, когда ты станешь домохозяйкой с тремя детьми?

Маргарет покраснела.

– Его зовут Пирс! – повторила она.

– Рад за него.

– Итак, – она постучала пальцами по книжке, – ты взрослый человек, который до сих пор читает истории о привидениях и монстрах.

– Ты это давно поняла, – ответил он.

– Наверное, просто до сих пор не задумывалась, – сказала она. – Тебе не кажется, что это немного нелепо? Может, тебе стоит почитать книги для взрослых?

– Я думаю, что истории ужасов – это важнейшая художественная литература в мире, – ответил он.

Внезапно ей захотелось рассказать ему о том, что творилось за окном машины Пирса – о красных жучках и ночных кошмарах, длившихся после этого несколько недель. Рассказать, а потом накричать на него за то, что он вбил ей в голову все эти ужасы с помощью дурацкой книги. Но вместо этого она рассмеялась вслед за ним.

– Вроде такой? – она указала на книгу. – Но это же нечитаемый хлам с претензией.

Он взял книгу в руки.

– И чего ты от меня хочешь, Маргарет?

– Ничего. Просто хотела отдать тебе книгу – полную лжи, как выяснилось.

Он вновь рассмеялся, но в этот раз не злобно, а скорее, удивленно.

– Что такое? – спросила она.

Он поднял обе руки в знак капитуляции.

– Ничего. Мне нравится, как ты выражаешься, когда злишься. Теперь я понимаю, почему ты решила изучать маркетинг.

– На самом деле я тоже соврала, – призналась она. – Я изучаю английский язык.

Он наклонился вперед, закрыв лицо руками, и расхохотался еще громче.

– Хватит надо мной смеяться, – сказала она. – Мне и так неловко.

Гарри вытер слезы с лица, пытаясь взять себя в руки.

– Почему мы так отчаянно пытаемся произвести друг на друга впечатление? Слушай, прости меня за слова про домохозяйку с тремя детьми и без работы. Мать растила меня одна, и она пахала на двух работах. Она научила меня кое-чему важному. – Он посмотрел на часы и поморщился. – Кстати, мне пора домой – проверить, как там у нее дела.

Они встали одновременно. Маргарет бросила взгляд на велосипед миссис Джонсон, привязанный цепью к перилам снаружи, затем посмотрела на Гарри.

– Ты можешь меня подвезти?

8

Когда они подъехали к дому миссис Джонсон, Гарри вышел из машины, чтобы помочь Маргарет выгрузить велосипед из багажника.

– Значит, у тебя с твоим добрым христианином все серьезно? – спросил он.

Она хлопнула его по руке.

– Прекрати! И да, он собрался познакомить меня со своими родителями на День благодарения.

– Но ведь еще даже Хэллоуина не было, – сказал он. – День благодарения не скоро.

– И что? – спросила она.

Он захлопнул багажник и оперся о него, скрестив руки на груди.

– Моя мама не переставала встречаться с другими парнями, пока не вышла замуж за моего отца. Она ходила на свидание даже накануне свадьбы.

– Да врешь ты все, – сказала Маргарет.

– Богом клянусь.

– Ага. Тем самым, в которого ты не веришь.

– Мама говорила, что хотела быть уверенной.

– К чему ты клонишь, Гарри?

– Ты еще не замужем. И День благодарения не завтра. Думаю, мы могли бы еще несколько раз увидеться.

Она скорчила гримасу.

– Пирсу это может не понравиться.

– Тогда я рад, что не прошу у него разрешения, – сказал Гарри. – Какая разница, чего он хочет? Подумай лучше о своих желаниях. – Увидев, что она медлит с ответом, он добавил: – Давай хотя бы еще один раз.

– Ты не заставишь меня передумать, – сказала она.

– Может, и так, – согласился он. – Но я тоже пока не готов тебя бросить.

«Мы любим друг друга, – произнесла про себя Маргарет, пытаясь представить перед собой Пирса. – Мы влюблены».

9

На втором свидании Гарри забрал Маргарет из Серси и вновь повез ее в Литл-Рок, следуя указателям. Оказавшись в городе, он вытащил из кармана рубашки клочок бумаги и стал ориентироваться по нему, искать что-то в центральном районе. Наконец они въехали в захудалый жилой массив, полный старых домов, находящихся в различных стадиях упадка – разбитые окна, провалившиеся веранды, оторванные водосточные желоба. Возможно, когда-то район и был цветущим, но теперь Маргарет было трудно понять, кто вообще мог здесь проживать.

В конце концов они остановились на углу одной из улиц – в тени двухэтажного дома с башенками и вывеской во дворе: «Дом страха». У основания крыльца начиналась очередь, которая тянулась вдоль всего тротуара.

– Что это за место? – спросила Маргарет.

В 1968 году – за год до открытия аттракциона «Дом с привидениями» в Диснейленде и задолго до того, как подобные увеселения распространились по всей стране, Гарри еще не располагал таким понятным общекультурным термином, как «Дом с привидениями», поэтому для объяснений был вынужден подбирать ближайший доступный аналог.

– Это нечто похожее на ярмарочную «комнату смеха» или на «поезд-призрак», – сказал он, объезжая квартал в поисках места для парковки. – Но это настоящий дом. Он дает представление, каково это – попасть в место, населенное призраками. – Гарри наклонился над ней и, открыв бардачок, достал оттуда сложенную газету. Маргарет успела прочитать один из заголовков («ПРОПАЛ МАЛЬЧИК»), прежде чем он перевернул газету, протянул ей и указал на небольшое объявление в углу.

Маргарет повернула газету так, чтобы можно было читать при свете уличного фонаря, светившего на пустыре через дорогу от аттракциона. Объявление представляло собой небольшой прямоугольник черного цвета с изображением условно мультяшного призрака. Ниже рисунка белыми буквами было написано:

«Приходите в Дом страха, чтобы **ИСПЫТАТЬ НАСТОЯЩИЙ КОШМАР!**»

– По-твоему, это весело? – спросила она.

– Если не хочешь, я не настаиваю, – ответил он. – Мы можем сходить в кино, или я отвезу тебя домой.

Она почувствовала напряжение в его голосе. Ему очень туда хотелось, но одновременно он старался не показаться навязчивым.

– Нет уж. Пошли, раз приехали, – ответила она. – Когда еще представится шанс пережить «настоящий кошмар»?

Они встали в очередь и каждые двадцать минут перемещались ближе к двери, когда из-за забора, окружавшего дом, выходили группы смеющихся людей. Наконец они оказались перед билетершей – пожилой грузной женщиной с жидкими седыми волосами и сигаретой, зажатой в углу рта. Гарри протянул деньги. Женщина выдала сдачу и указала на вход.

– Надо ли нам... в смысле, как это работает? – спросил Гарри.

– Заходите. Там все увидите, – ответила женщина голосом, похожим на скрежет трущихся друг о друга камней.

Входная дверь была открыта, но свисавшие оранжевые ленты скрывали внутренний вид. Маргарет и Гарри протиснулись в тускло освещенный вестибюль с мерцающей лампочкой и оранжевыми гирляндами, развешанными на перилах, уходящих на второй этаж.

Маргарет наклонилась вперед и попыталась заглянуть вдоль лестницы. Что-то там двигалось – какая-то смутная фигура в темноте.

Непроизвольно отступив назад, Маргарет наткнулась спиной на Гарри.

– Все в порядке? – спросил он.

– Просто прекрасно, – пробормотала она.

Возможно, приходить сюда было не очень хорошей идеей.

После них зашла группа из четырех подростков – две хихикающие и перешептывающиеся друг с другом парочки. Энергия, которую они излучали, была вполне живой и успокаивающей. Гарри и Маргарет шагнули в сторону, предоставив инициативу детям. Затем последовали за ними вправо по коридору, который привел их в гостиную. На жестком, неудобном диване сидели четыре человека, одетых странно (но не страшно). Они выглядели как члены одной семьи: отец с густыми черными усами и в строгом костюме, мать с длинными прямыми черными волосами в плотном облегающем платье, круглолицый мальчик в полосатой футболке, стриженный «под горшок», а также маленькая девочка в черном платьице с угрюмым суровым личиком и темными волосами, заплетенными с двух сторон в косички. Все четверо таращились в телевизор, показывавший статические помехи.

– Добро пожаловать! – воскликнул отец, взмахнув рукой. – Мы смотрим прогноз погоды по телевизору.

– Похоже, опять идет снег, Гомес, – сказала мать отцу.

Гомес? Откуда Маргарет знает это имя?

– Здесь всегда идет снег, – буркнула маленькая девочка.

– Блестящий аргумент, Уэнсдей, – согласился Гомес.

Уэнсдей? Гомес?

– Ого! Это как в том сериале, – сказала одна из девочек-подростков. – Э-э, как он там назывался?

– «Семейка Аддамс», – произнес Гарри очень тихо – так, что только Маргарет смогла его услышать.

Она поймала его взгляд, и он скорчил извиняющееся лицо. Она знала о существовании подражателей Аддамсам и теперь увидела их воочию, но... разве «Семейка Аддамс» – это не телевизионный ситком, высмеивающий монстров? Это же комедия положений, а не фильм ужасов. Но объявление в газете не выглядело смешным.

– Поскольку дом занесло снегом, вам придется остаться с нами на ужин, – объявил Гомес. – Ларч!

По коридору к посетителям приковылял человек чуть выше среднего роста. Он был одет в смокинг и раскрашен под монстра Франкенштейна. Человек вопросительно простонал.

– Ларч, проводи наших гостей в столовую, – попросил Гомес.

Чудовище в смокинге вновь застонало. Маргарет, Гарри, Гомес и подростки прошли за ним по коридору в большую, освещенную свечами столовую, где был накрыт длинный стол на двенадцать персон. Обойдя вокруг стола, Ларч выдвинул шесть стульев. Поскольку никто не сдвинулся с места, чтобы принять приглашение, он наклонился вперед и снял крышку с большого сервировочного блюда, стоявшего в центре стола. Затем указал на его содержимое – черную массу, которая, казалось, двигалась в мерцающем свете.

По-прежнему никто не шевельнулся. Тогда Ларч сунул руку в блюдо, схватил горсть того, что в нем лежало, и швырнул в гостей. Черная масса распалась в воздухе, и Маргарет успела заметить тонкие конечности и пластмассовый блеск. Подростки взвизгнули, когда черное нечто ударило в них и отскочило на пол. Маргарет прищурилась: это были резиновые

паучки. Ларч кидался в них резиновыми паучками. Что ж, по крайней мере, они не были красными.

– Твою ж... – вырвалось у Гарри.

– Ларч, что я говорил насчет игры с едой? – строго спросил Гомес. Он стоял гораздо ближе, чем хотелось бы Маргарет, и от него пахло сигаретами. – А теперь мы должны вымыть наших гостей!

Она с облегчением выдохнула, когда Гомес протолкался сквозь группу и повел их к двери в конце коридора. Из щели между дверью и полом валил дым.

Они вошли на кухню, настолько густо заполненную туманом, что Маргарет не могла разглядеть пол. В центре кухни стоял человек в очках и белом халате и помешивал что-то в дымящемся котле.

– Оно живое! – завыл человек. – Живое!

Плечи Гарри слегка поникли, и он закрыл лицо обеими руками.

– Как суп, Генри? – спросил Гомес.

– Превосходно, мистер Аддамс, – ответил человек в лабораторном халате.

Он лупил металлической ложкой по чему-то в кастрюле, расплескивая воду на плиту.

– Рад это слышать! – воскликнул Гомес. – У тебя, случайно, не найдется чистых полотенец? В столовой кое-что произошло.

– Извините, чистых нет, – ответил Генри. – Разве что... не знаю, можно ли назвать «кровоавое» «грязным»?

И он поднял кухонное полотенце, насквозь пропитанное красненьким. Подростки застыли от отвращения.

– Очень жаль! – посетовал Гомес. Затем повернулся и снова обратился к гостям: – Думаю, у нас найдутся полотенца наверху в ванной, если вы не против туда пойти.

– Мы не грязные, – ответил Гарри. – Мы можем выйти тем же путем, каким сюда зашли?

– Какой вздор! – не согласился Гомес. – Мы недавно отремонтировали гостевую спальню наверху. Вы просто обязаны ее увидеть. Ларч?

В дверях кухни вновь появился Ларч.

– Проводи наших гостей наверх за чистыми полотенцами, – велел Гомес.

Ларч хмыкнул и повел всех обратно в холл. Маргарет пошла первой, Гарри следом за ней.

– Это маленький дом, – прошептал он ей в ухо, обдав шею горячим дыханием. – Скоро все закончится. – И затем, секунду спустя: – Извини.

Маргарет поднялась по лестнице и отошла в сторону, освободив место для остальной группы. Они остановились в узком, тускло освещенном коридоре с закрытыми дверями по обеим сторонам. Кроме этого на противоположной от лестницы стене висело длинное растение в горшке. Маргарет перегнулась через перила и бросила взгляд на первый этаж, вспомнив о загадочной фигуре, которая стояла именно здесь, когда она вошла. В тот момент она не выглядела фальшивой, будто часть заготовленной шутки. Силуэт показался вполне реальным. Маргарет оттолкнулась от перил и посмотрела на группу, сбившуюся в кучу.

– Куда теперь? – спросил один из подростков.

Дверь в дальнем конце коридора распахнулась. Ларч развернулся и стал спускаться вниз по лестнице, оставив их одних.

Группа пошла вперед. Ни упыри, ни демоны из дверей не выскакивали. Наоборот – в доме стало еще тише, чем раньше. И как-то пусто.

Комната в конце коридора была залита болезненно-розовым светом и обставлена, как спальня старухи. В левой части комнаты стоял старый туалетный столик, а в противоположном углу возвышалась двуспальная кровать на металлическом каркасе с очень высокими спинками, делавшими ее похожей на колыбельку для взрослых. Под одеялом лежал неподвижный ком неопределенных очертаний.

На стенах были развешаны старые черно-белые фотографии: маленькие дети, улыбающиеся и смеющиеся летним днем на пляже; портрет солдата в парадной форме со сдвинутым набекрень головным убором, что, должно быть, подчеркивало его молодцеватость; молодожены, выбегавшие из церкви, пригнув головы, с поднятыми вверх руками, чтобы защититься от натиска рисового дождя; фотография аварии, в которой одна машина врезалась в бок другой, оставив огромную вмятину с пассажирской стороны, с хорошо видимым бампером, на котором висела надпись «молодожены» и вереница консервных банок; рядом еще одна фотография с той же аварии – на ней тело под простыней, наполовину пропитанной кровью, из-под которой торчала одна рука в белом кружеве и с бриллиантовым обручальным кольцом, сверкавшим на солнце. Маргарет долго не могла оторвать от нее взгляда.

Они что, настоящие? Или это такая инсценировка?

– Я не понимаю... – произнесла одна из девочек. – Жутковато, конечно, но при чем здесь это?

– И какое отношение оно имеет к «Семейке Аддамс»? – спросила Маргарет.

– Я не знаю, – ответил Гарри.

Одна из девочек указала на выпуклость на кровати.

– А там что такое?

– Иди посмотри, – сказала другая.

– Ни за что!

Они еще немного поспорили, пока более высокий и широкоплечий из двух мальчиков не вызвался проверить. Второй последовал за ним, отстав на шаг или два и слегка отклонив торс назад, словно сдерживаемый собственным здравым смыслом.

Высокий мальчик встал над выпуклостью на кровати, спиной к комнате. Он встряхнул руками и дотронулся до одеяла. Маргарет облизнула пересохшие губы, вспомнив неясную фигуру, наблюдавшую за ней через окно машины Пирса. Она потянулась к Гарри, и тот взял ее за руку.

Подросток ухватился за одеяло и дернул на себя. Его друг закричал, девочки взвизгнули, а Маргарет сделала шаг к двери.

Высокий мальчик застыл на месте с одеялом в руках, глядя на что-то внизу. Маргарет все еще не могла понять, на что он смотрит.

– Что там такое? – спросил Гарри.

Он отпустил Маргарет и шагнул вперед, чтобы получше рассмотреть. Подросток отбросил одеяло в сторону и поднял с кровати какой-то комок. Затем повернулся так, чтобы все смогли увидеть: это была детская подушка с рисунком Дракулы. Девочки рассмеялись, Гарри повернулся к Маргарет.

– Ну, это уже совсем никуда не годится, – сказал он. – Хочешь уйти?

– Да, пожалуй, – согласилась она.

Они вышли из комнаты, оставив подростков одних. Однако, когда они вернулись к растению в горшке на лестничной площадке второго этажа, то обнаружили, что путь вниз преградила раздвижная металлическая решетка.

– Что-то я не заметил ее, когда мы сюда заходили, – сказал Гарри.

Он потянул решетку на себя. Та слегка задребезжала, но не сдвинулась с места.

– И что теперь? – спросила Маргарет.

– Дай подумать, – сказал Гарри и принялся возиться с решеткой.

Маргарет оглянулась на розовую комнату, вдруг осознав, что в доме опять стало тихо. Чем там занимаются детишки?

Она вытянула шею в надежде услышать красноречивые звуки поцелуев и так сосредоточилась на подслушивании, что не заметила движения растения в горшке. А потом оно ее схватило.

Маргарет закричала. В полном ужасе она стала извиваться взад-вперед, пытаясь вырваться. Растение, возможно удивленное проявлением такой паники, почти сразу ее отпустило. В своей борьбе Маргарет налетела на Гарри, и тот врезался в решетку. А потом решетка, спружинив, оттолкнула их обратно, и они оба упали на деревянный пол.

Маргарет оттолкнулась от Гарри, попыталась встать, запуталась в его ногах и снова упала, ударившись головой о пол. В глазах сверкнула белая вспышка боли. Она несколько раз моргнула, пытаясь сосредоточиться и ощущая, словно издали, как ее тело движется в пространстве – чьи-то руки помогали ей встать на ноги.

– Пошли! – услышала она голос Гарри.

Его рука накрыла ее руку, и он потащил Маргарет к новой открытой двери в конце коридора – подальше от розовой комнаты, растения, лестницы и решетки. В пустой комнате светила одинокая лампа, а в том месте, где должно было быть окно, зияла черная дыра.

Гарри отпустил ее, подошел к дыре и заглянул внутрь. Когда он вновь обернулся и посмотрел на нее, рот его раскрылся, а глаза внезапно стали пустыми и далекими. Прежде чем Маргарет успела спросить, что случилось, из дверного проема позади появилась фигура, от вида которой ее охватил такой страх, что из головы мгновенно улетучились все разумные мысли. Высокое и сторбленное, закутанное в алый плащ существо имело вытянутую мохнатую морду и пасть, полную гигантских клыков. Вместо рук у него были лапы с длинными изогнутыми когтями. Глаза горели ярко-оранжевым светом. Существо указало на Маргарет когтем и издало дикий нечеловеческий рев.

Маргарет завизжала. Гарри схватил ее, поднял и заглянул в лицо. Глаза его вновь стали живыми и осмысленными. Он улыбнулся и сказал:

– Доверься мне.

После чего швырнул Маргарет прямо в черную дыру.

Она ударилась о черный хрустнувший пластик и помчалась вниз сквозь темноту, ощущая всем телом скольжение. Затем она услышала, как что-то быстро приближалось к ней – большое, шумное и невидимое. Когда она повернула голову, чтобы посмотреть, Гарри это или зверь в красном, скольжение прекратилось, и она вылетела на свежий и чистый ночной воздух. Казалось, она повисла там, потеряв на секунду вес, после чего рухнула на что-то большое и мягкое.

Маргарет оглянулась и поняла, что упала на огромный надувной мат, установленный на заднем дворе дома. Здесь был еще один подросток, и он ей что-то кричал. Сердце бешено колотилось, голова была как в тумане, и ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он говорит: «Отбегай в сторону!» Но она еще лежала горизонтально на мате, когда из пластиковой трубы вылетел Гарри и приземлился прямо на нее.

В тот день и час 1968 года, когда они лежали в миссионерской позе на заднем дворе «Дома страха», моя мать взглянула в лицо Гарри и поняла, что безбедная жизнь с Пирсом окончательно разрушена. Вместо этого она увидела другую, тяжелую вереницу лет, развернувшуюся перед ней: и маленькую тревожную свадьбу, и большое число детей, и жизнь в рабочем квартале «синих воротничков», и безнадежную экономию на всем, и поношенную одежду, и покупки в магазине поддержанных товаров. Она почувствовала, что бессильна помешать этому видению стать реальностью.

Но она не стала делиться своими предчувствиями с моим отцом. Вместо этого она дотронулась ладонями до его лица и просто сказала:

– Моя мама тебя возненавидит.

Секвенция Тёрнеров I. Маргарет

Когда Маргарет входит в Город – в этот текущий сон наяву, в эту смесь из воспоминаний и кошмаров, то ей начинает казаться, будто она по-прежнему живет в беднейшем районе Лаббока – в маленькой обшарпанной квартирке с одной спальней, потрепанным ковром и деревянными панелями на стенах, которую она делила с Гарри. Впрочем, панели эти едва можно разглядеть за выстроившимися вдоль всех стен штабелями из коробок, в которых лежат книги, комиксы и журналы Гарри.

Вещи Гарри повсюду. Кухонный стол погребен под пишущей машинкой, стопками конспектов и рисованных от руки чертежей каких-то странных небоскребов. Он постоянно обещает навести порядок, но, похоже, вовсе не собирается этого делать. Маргарет раздражает ходить на цыпочках вокруг чужих вещей и не чувствовать комфорт в собственном доме.

Бум!

Звук, кажется, доносится из спальни, и Маргарет выходит из переполненной гостиной, чтобы найти его источник. Открыв дверь спальни, она входит в нее и понимает, что уже лежит в постели. Гарри спит рядом, слегка приоткрыв рот. На нем ее маска для сна, которую он надевает, чтобы дать ей возможность почитать при свете. Маска лавандового цвета, окаймленная кружевной бахромой, но Гарри никогда это не смущало, и Маргарет его за это ценит.

Бум!

В этот раз звук доносится откуда-то из глубины комнаты, но она не может понять, откуда именно. *Бум. Бум-бум.* Такое ощущение, что сама спальня находится в центре этого звука. Маргарет кладет книгу на живот и впервые замечает, что беременна. *Бум. Бум-бум!* Ее живот большой и круглый, словно надутый воздушный шар, готовый лопнуть. Этот звук идет из комнаты или из нее самой? Она кладет руки на живот. *Бум-бум.* Живот вибрирует в такт звуку.

Она трясет Гарри за плечо, но тот лишь перекатывается на бок, в сторону от нее.

Бум! Бум-бум.

Ее внутренности вдруг сжимаются с ужасной силой, и она начинает задыхаться, свернувшись в клубок вокруг собственного живота. Что-то не так. Она закрывает глаза и втягивает воздух через сухие губы и стиснутые зубы. Боль медленно отступает, превращаясь в ноющую ломоту внутри. Возможно, просто проблемы с пищеварением. Возможно, она съела что-то такое, что не понравилось ребенку.

Она встает и выходит из спальни, намереваясь пойти в ванную, но, должно быть, сворачивает не туда, поскольку она больше не в квартире. Она стоит в длинном, темном, узком коридоре, увешанном фотографиями в рамках. Единственная закрытая дверь находится в дальнем конце. *Бум. Бум-бум.* Звук такой низкий, что он, скорее, ощущается, а не слышится, резонируя сквозь старые деревянные полы. Она прижимает руки к животу. Выпуклость исчезла. Живот не совсем плоский – не такой, как раньше, но бугор и сопутствующие судороги пропали.

Она оборачивается, чтобы взглянуть на дверь, через которую вышла, но видит перед собой лишь пустую стену. *Бум-бум!* Коридор слегка пульсирует и дрожит, от чего дверь в противоположном конце открывается сама собой, качнувшись внутрь. словно легкий ветерок, оттуда долетает слабый хныкающий звук. Она не хочет заходить в комнату, но не может остановиться.

В комнате темно. Она тянется к выключателю, поворачивает его, и комната заливается тусклым розовым тошнотворным светом. Это пустая детская. Но здесь нет ни игрушек, ни пеленального столика, ни ходунков, ни веселых обоев или картин – только множество черно-белых фотографий в рамках на стенах, одинокое кресло-качалка и детская кроватка. Она подходит к кроватке, но хныкающие звуки уже прекратились. Кроватка пуста, одеялко откинута. Как давно она здесь?

Она вцепляется в бортик. *О Боже! О Господи!*

Оглядев комнату, но не заметив ничего необычного, она со стоном падает на колени и заглядывает под кровать. Ребенка там нет, зато Маргарет находит фотографию в рамке, на которую уже осела пыль. Она берет ее в руки.

Это фотография со свадьбы Маргарет и Гарри, сделанная в здании суда. Гарри одет в один из старых костюмов своего отца, который ему совершенно не подходит. На жилистом теле Гарри костюм висит свободно и мешковато, делая его похожим на маленького мальчика, развлекающегося переодеванием. На Маргарет – простое зеленое платье, купленное для нее матерью (оно зеленое, а не белое, потому что миссис Джонсон хотела, чтобы она поносила его не только один раз на свадьбе). Родителей Маргарет на фотографии нет, поскольку они отказались присутствовать, зато есть мама Гарри Дебора. Она болезненно улыбается и одновременно хмурится, глядя на что-то за кадром, но это самое жизнерадостное выражение, на которое она способна. Словно Дебора пытается изобразить счастье, страдая от зубной боли.

Вдруг раздается детский всхлип, отвлекая внимание Маргарет от фотографии. В этот раз звук долетает из коридора. Ухватившись за кровать, она поднимается на ноги. Живот снова стал округлым и твердым. Ребенок в коридоре начинает плакать, и в утробе Маргарет шевелится что-то, взволнованное этим звуком. Она выходит из детской с фотографией в руке и возвращается в спальню.

Она видит Гарри, который уже проснулся и сидит в постели. По его телу, шелестя и причмокивая, ползают два существа. Они примерно похожи на людей, но у них нет кожи. Существа напоминают ей диаграммы из старого школьного учебника по анатомии: на них блестит человеческая мускулатура, жилистое мясо изгибается и растягивается при каждом движении. Головы у существ странные: на них длинные, похожие на черепа лица, выступающие вперед челюсти и ярко-оранжевые глаза – цвета дорожных аварийных конусов. Твари ползают вверх и вниз по телу Гарри и грызут его плоть.

«Гарри», – стонет она.

«Что у тебя?» – спрашивает он, указывая на картинку в рамке.

Она протягивает ему фотографию, и они принимают изучать ее вдвоем, пока чавканье жующих младенцев пульсирует в ее голове подобно мигрени.

Он указывает на свою мать.

«Она хороший человек. Не ее вина, что она так выглядит».

«Конечно же нет», – отвечает Маргарет.

Ей хочется прикоснуться к нему и утешить, но она боится, что ее тоже укусят маленькие чудовища.

«Я не такой, как она. Не настолько болен».

«Я знаю», – отвечает Маргарет.

«Ложись в постель», – предлагает он.

«Что-то не хочется», – говорит она.

Он смотрит на нее с недоумением.

«Неважно, чего ты хочешь».

Один из младенцев забирается ему на грудь и кусает за щеку. Кажется, он ничего не замечает. Ребенок внутри Маргарет шевелится и брыкается в темнице ее утробы. *Бум. Бум-бум.*

«Гарри, – говорит она. – Гарри, нам надо бежать».

«Бежать?» – переспрашивает он.

Ее живот опять сводит судорогой. Нет, пожалуй, не судорогой. Такое чувство, будто по ее внутренностям протаскивали ржавые гвозди. Она тянется к краю кровати, но теряет равновесие и падает спиной на пол. Затем перекачивается на бок, держась руками за живот.

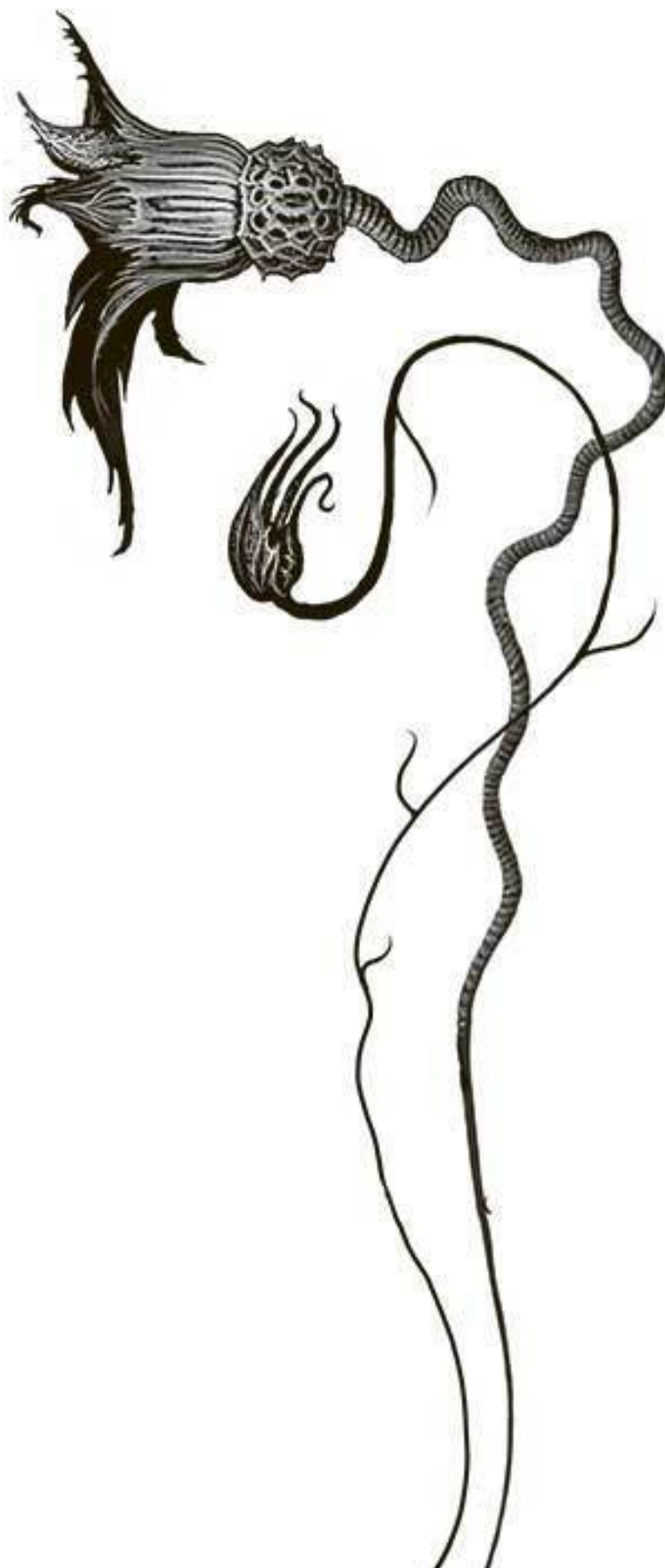
«Это не наши дети», – произносит она сквозь стиснутые зубы.

Гарри наклоняется, чтобы посмотреть на нее, лежащую на полу. Возможно, он пытается одарить ее еще одной недоумевающей улыбкой, но на его лице уже не так много кожи, чтобы получилось что-то осмысленное. Оторванные куски плоти болтаются подобно занавескам на ветру. Отсюда он кажется невероятно далеким.

«Маргарет, конечно же, это наши дети».

Их лица появляются из-за края кровати и глядят на нее сверху вниз оранжевыми глазами. Они воркуют и урчат. Они раскачиваются взад-вперед, набирая инерцию для того, чтобы броситься вниз, к полу. Они собираются прийти на помощь и вытащить третьего ребенка из ее утробы в мир своими маленькими острыми зубками.

Часть вторая Склеп

1

К лету 1982 года Маргарет и Гарри Тёрнер были женаты уже тринадцать лет. В тридцать с небольшим оба чуть округлились и лицом, и телом – еще не толстые, но уже начавшие расширяться и покупать одежду более великодушных размеров. Они жили в кирпичном доме в хорошем районе города Вандергрифф, штат Техас, и воспитывали двух дочерей: Юнис, которой только-только исполнилось шесть лет, и десятилетнюю Сидни (я присоединюсь к ним меньше чем через год). Гарри работал в дорожном департаменте Форт-Уэрта, Маргарет оставалась домохозяйкой с тех пор, как бросила Тилден и вышла замуж за Гарри весной 1969 года. Не самая увлекательная жизнь, но она их более-менее устраивала – до того самого утра, когда Маргарет очнулась в постели от беспокойного сна и обнаружила, что половина Гарри пуста.

Ее разбудило глухое постукивание. Еще не отошедшая ото сна, с затуманенной головой, Маргарет поднялась на локте и оглядела спальню. Будильник на прикроватной тумбочке показывал четыре часа утра, и дверь в спальню, которую они обычно закрывали на ночь, была распахнута настежь. Она встала, надела тапочки, прошла по коридору мимо спален девочек, где было по-прежнему тихо, и вышла в гостиную, где обнаружила, что раздвижная стеклянная дверь, выходящая на задний двор, была широко распахнута.

Гарри стоял на нескошенной лужайке спиной к Маргарет – босой, голый и неподвижный. – Гарри? – позвала она.

Он ее будто не слышал. Маргарет пересекла двор и остановилась рядом с ним. Он пристально изучал полузакрытыми глазами деревянный забор, окаймлявший двор.

– Гарри! – позвала она снова.

Гарри хмыкнул.

Он что, спит? Но он никогда раньше не ходил во сне, хотя выражение его лица показалось Маргарет знакомым. Она положила руку ему на плечо.

– Он меня увидел, – произнес вдруг Гарри. – Теперь он знает мой запах.

У Маргарет пробежали мурашки по коже, поскольку слова прозвучали отчетливо, но абсолютно бесстрастно.

– Может, зайдём в дом? – осторожно предложила она.

– Лабиринт... – ответил он невпопад.

Она потянула его за руку, и он не стал сопротивляться. Вместе они вернулись в спальню.

– Нельзя вставать так рано по субботам, – сказала она и мягко толкнула его на постель. – Нужно еще поспать.

– У меня болит голова, – произнес он тем же ровным, безжизненным голосом.

– Поспи еще немного, это поможет.

Он закрыл глаза и смирно прилег на кровать. Маргарет легла рядом, и, хотя через несколько минут его дыхание перешло в тихий храп, ей уже не спалось. Она встала, сварила кофе и принялась готовиться к новому дню.

Вскоре от звуков и запахов, которые Маргарет развела на кухне, проснулись и мои сестры: Сидни, которой достались темные, почти черные волосы моего отца, маленький рот, бледное лицо и карие глаза с тяжелыми веками, и Юнис – с рыжими волосами от матери, зелеными глазами и веснушчатой (почти пятнистой) кожей. Сидни отличалась упрямством, часто дерзила и сердилась, а Юнис, наоборот, всегда была покладиста и послушна. Сестры, которых даже нельзя было принять за сестер, если бы вы не знали их лично, в данную минуту жадно поглощали завтрак и помогали Маргарет еще раз пройтись по списку приглашенных на вечеринку по случаю шестого дня рождения Юнис.

Гарри проснулся около восьми. Он принял душ, оделся, налил себе чашку кофе, выпил ее в несколько быстрых глотков и объявил, что собирается за праздничным тортом. Уходя, он

почему-то не поцеловал Маргарет. Она стояла на кухне вместе с девочками и слушала, как трогается и отъезжает от дома машина.

– С папой все нормально? – спросила Юнис.

– Он расстроился из-за твоего дурацкого дня рождения, – тут же сказала Сидни.

– А ну-ка извинись! – велела Маргарет.

– Мне очень жаль, что папа тебя не любит, Юнис.

– Сидни! – сказала Маргарет более строгим голосом.

– Я же просто шучу, – ответила Сидни.

В устах Сидни это прозвучало почти как извинение, которое, кажется, удовлетворило Юнис, поэтому Маргарет не стала возражать.

2

Юнис никогда не пользовалась особой популярностью, но тем не менее на вечеринку собралось довольно много народу. Мистер и миссис Хенсон, проживавшие на той же улице, привели свою дочь Крисси; мистер и миссис Сангалли – маленького, страдающего астмой сына Хьюберта. Пара друзей Гарри по работе – Рик и Тим – тоже пришли со своими детьми. Кроме того, нескольких своих подруг пригласила Сидни. Старшие девочки поспешили спрятаться в спальне Сидни от того, что они ласково называли «лялечной вечеринкой». Тем не менее они все же принесли подарки, поздравили Юнис и пожелали ей счастливого дня рождения, прежде чем исчезнуть.

К удивлению Маргарет, к ним зашла и бездетная пара из соседнего дома. Дэниел и Джанет Рэнсом переехали сюда несколько недель назад, и Маргарет пригласила их из чистой вежливости. Дэниел работал учителем по драматическому искусству в средней школе, а Джанет преподавала балет в маленькой студии.

– Как мило, что вы зашли, – сказала им Маргарет, когда у нее выдалась свободная минутка. – Я и не предполагала, что это вас заинтересует.

– Ну, мы же не всегда будем бездетными, – ответила Джанет. – Я подумала, что было бы неплохо узнать, каково это.

Джанет была маленькая, тонкокостная, словно птичка, и стройная, как мальчик, с каштановыми волосами, собранными в густой пучок на затылке. Примерно так Маргарет всегда представляла себе Китти из «Анны Карениной»: красивая, изящная фарфоровая статуэтка. Маргарет никогда не отличалась худобой, а теперь, набрав лишнего веса, она почувствовала себя неуклюжей и некрасивой рядом с Джанет и ее красавчиком мужем.

– Не слушайте ее, – сказал Дэниел. – Она просто присматривается к своим будущим воспитанницам.

Маргарет рассмеялась, но Джанет все же немного смутилась.

– У меня действительно есть несколько буклетов от студии на случай, если Сидни или Юнис вдруг заинтересуются... – произнесла она, бросив на Дэниела испепеляющий взгляд.

Тот потер затылок.

– Сколько у вас книжек про ужасы, – сказал он, указав на полку у ближайшей стены, заполненную творениями Стивена Кинга, Анджели Картер, Питера Страуба, Шерли Джексон, Уильяма Питера Блэтти, Айры Левина, Джеймса Герберта, Рэмси Кэмпбелла, Томаса Трайона, ну и, конечно, Г.Ф. Лавкрафта.

– Вы бы видели нашу кладовку! – ответила Маргарет.

Они сняли бокс на складе «U-Haul»¹² в промышленном районе города, который доверху набили коробками со старыми книгами в мягких обложках, журналами и комиксами. Гарри

---

¹² U-Haul – американская компания, предоставляющая услуги в области аренды грузовиков, прицепов и складов для хра-

очень не хотелось расставаться со своей любимой коллекцией, поэтому он согласился на такой компромисс, пока у них не появится свободное место в доме.

– А чем занимаешься ты, Маргарет? – спросила Джанет.

– Я мамочка-домохозяйка, – ответила Маргарет. – Но так как девочки уже повзрослели, я подумываю о том, чтобы вернуться в колледж. – О повторном поступлении она говорила с 1969 года, но никогда не пыталась осуществить это на практике.

– Не знаю, смогла бы я сидеть целыми днями с детьми? – сказала Джанет. – Наверное, рано или поздно мне бы захотелось удавиться.

– Поверь, иногда такое желание находит, – согласилась с ней Маргарет.

Вслух эта шутка оказалась не такой смешной, как она предполагала, и когда никто не засмеялся, Маргарет извинилась и пошла обходить дом.

Другие взрослые стояли, облокотившись о кухонную стойку, или сидели за обеденным столом, попивая из пластиковых стаканов и вытаскивая куски пиццы из нескольких коробок «Domino's»¹³. Несмотря на изнуряющую августовскую жару, все дети играли во дворе, прыгая на арендованном надувном батуте в виде домика. Гарри тоже расположился снаружи вместе с Риком и Тимом, якобы для того, чтобы следить за безопасностью детей.

Маргарет остановилась у стеклянной двери и внимательно присмотрелась к Гарри. Он глядел куда-то вдаль, не обращая внимания на смеющихся рядом с ним Рика и Тима. В пальцах правой руки покачивалась пивная бутылка. Гарри оставался замкнутым и молчаливым даже после того, как вернулся с тортом. Помнит ли он, как ходил во сне? Хорошо ли он себя чувствует? Этот Гарри был так не похож на того человека, к которому она привыкла!

Он встал со стула и подошел к стеклянной двери. Маргарет помахала ему рукой и ободряюще улыбнулась. Но он, казалось, посмотрел прямо сквозь нее. Все его движения были скованными и немного дергаными, словно он устал от нелегкой работы.

В этот миг из надувного домика выскочила Юнис, сияя ошеломленной улыбкой, как и положено счастливой имениннице. Ее рыжие волосы развевались на бегу подобно волне летнего пламени. Гарри не видел ее и не слышал, поэтому не был готов к тому, что она запрыгнет ему на спину. Маргарет рефлексивно потянулась к ручке двери, когда Гарри согнулся от неожиданности и выронил из рук пиво. Бутылка упала и разбилась о бетон патио, взорвавшись зелеными осколками вперемешку с пеной.

Юнис расцепила руки и упала, когда Гарри резко выпрямился. Он повернулся к дочери и схватил ее за плечи.

– Ты чего тут устроила?

Его крик был хорошо слышен даже сквозь стеклянную дверь.

Тим, старший коллега Гарри, оттащил испуганную Юнис в сторону. Рик схватил Гарри за руку и заговорил тихим, спокойным голосом человека, которому довелось разнимать немало пьяных драк. Но Гарри не стал его слушать, он дернулся и ударил Рика кулаком в нос. Рик непроизвольно вскинул руки и наступил на битое стекло, хрустнувшее под его кроссовками.

Маргарет вышла, наконец, из ступора. Она рывком распахнула дверь, выбежала во двор и встала между Риком и Гарри. На миг ей показалось, что она совершила самую большую ошибку в жизни, поскольку в глазах Гарри не было ничего, кроме паники и дикой ярости.

Она подняла обе руки и прошептала:

– Эй. Эй... Все в порядке. Все хорошо...

Гарри облизнул губы и качнулся на ногах, тяжело дыша и сжимая кулаки. Струйки пота скатывались между плеч Маргарет и копились у основания позвоночника. Плоть изнывала от духоты.

нения вещей.

¹³ Domino's Pizza – американская компания, управляющая крупнейшей в мире (по обороту) сетью пиццерий.

– Гарри, – сказала она как можно спокойнее. – Все в порядке. Ничего страшного. Ты просто испугался.

Он моргнул, и в этот момент какая-то важная деталь вернулась на место. Он снова стал прежним Гарри. Оглядевшись по сторонам, он посмотрел на надувной домик с его испуганными обитателями; на Рика, который сидел в садовом кресле, зажимая себе рот и нос окровавленными пальцами; на Тима, гладившего по спине плачущую Юнис; на Сидни и ее подруг, собравшихся у раздвижной стеклянной двери, словно посетители зоопарка, разглядывающие дикое животное.

Маргарет схватила Гарри за руку и уже второй раз за этот день повела его мимо девочек по коридору и в спальню.

– Ложись, – велела она.

– Но я не устал, – возразил он.

– Мне все равно. Сегодня тебе лучше не выходить на задний двор, – сказала она и громко хлопнула за собой дверь.

Провожая гостей до выхода, она путано оправдывалась тем, что Гарри плохо себя чувствует, и обещала показать его врачу. Юнис изумленно разинула рот, увидев, что ее праздник окончен, и убежала к себе в комнату с красным, залитым слезами лицом. Сидни уселась на диван и уставилась в телевизор пустым взглядом, пока Маргарет подметала бутылочное стекло, собирала бумажные тарелки и выливала содержимое из пластиковых стаканчиков, чтобы собрать весь мусор и отнести его к гаражу. Воздушные шары и ленты она не убрала, хотя сейчас они выглядели ужасно неуместными – как фальшивый фасад, под которым скрывается что-то уродливое.

Наведя порядок, она села на диван рядом с Сидни и обняла ее за плечи. Сидни не пошевелилась и даже не оторвала взгляда от телевизора.

– Оставь меня в покое, – сказала она.

Маргарет отпустила ее и пошла проверить, как там Юнис. Младшая дочь лежала в постели, отвернувшись к стенке. Маргарет присела рядом на кровать и погладила спину дочери.

– Мой день рождения... – произнесла Юнис хриплым от слез голосом.

– Знаю, милая. Мне очень жаль, но папа плохо себя чувствует, поэтому я... – Она умолкла, не зная, что сказать. – Я не хотела, чтобы папа кого-нибудь заразил, если он болеет. Он сейчас задремал. Почему бы и тебе не поспать немного, а вечером мы продолжим праздник.

– А как же надувной домик?

– Мы оставим его еще на один день.

Если понадобится, она заставит Гарри продлить аренду. Это самое меньшее, что он может сделать, чтобы хоть как-то сгладить ситуацию. Она поцеловала Юнис в щеку и пошла во взрослую спальню.

Гарри все еще лежал в постели, уставившись в потолок и потирая правую руку с распухшими костяшками. Маргарет закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

– Я знаю, – сказал он. – Знаю.

– Сумасшествие имеет свойство нарастать, – заметила Маргарет.

– Я не понимаю, что случилось.

– Ты ходил сегодня ночью во сне. Помнишь?

По его испуганному лицу она поняла, что он понятия не имел о том, что делал ночью. Нечто подобное они ждали на протяжении всего периода их отношений. Из-за болезни матери Гарри несколько раз проверялся на шизофрению, но всегда получал справку о нормальном психическом состоянии. С одной стороны, в таком возрасте симптомы проявляться не должны, но с другой – никто от этого не был застрахован. Маргарет не могла избавиться от воспомина-

ний о странном выражении его лица, которое она увидела сегодня утром – каком-то мертвом и отстраненном. Кого же он ей напомнил?

– Слушай... я не думаю, что это серьезно, – сказал он. – Не... не беспокойся об этом. Не знаю, что это было, но явно что-то другое. Если... если это повторится, обещаю, я обращусь к врачу. – Не дождавшись ее ответа, он добавил: – Маргарет, прошу тебя. Позволь мне сначала попробовать самому...

3

Они собрались всей семьей ближе к вечеру, чтобы закончить празднование дня рождения Юнис. Пока Маргарет разогревала остатки пиццы, Гарри играл с девочками в надувном домике. Они позволили им съесть пиццу и торт одновременно, щедро приправив это дело мороженым. А после ужина разрешили изнывающей от нетерпения Юнис наброситься на кучу подарков, разложенных на кофейном столике, и дочка, широко распахнув глаза, принялась рвать блестящую оберточную бумагу. Потом они сидели в гостиной среди новых игрушек, настольных игр и одежды и вместе смотрели телевизор. Маргарет лежала на диване, а Гарри – на полу, в окружении прижавшихся к нему девочек. Время от времени Маргарет проводила рукой по его волосам, наслаждаясь тем, как они выются между ее пальцев.

В эту ночь, когда счастливые и успокоенные девочки уснули, Гарри и Маргарет занялись любовью. Стены в доме были тонкими, поэтому им поневоле приходилось двигаться медленно и тихо. Зато это дало время Маргарет для того, чтобы как следует рассмотреть лицо Гарри, а также увидеть, как в нем снова зарождаются доброта и нежность. Его ласковые поцелуи, казалось, склоняли Маргарет к тому, чтобы счесть произошедшее во дворе нелепой случайностью и что отныне у них будет все хорошо. А потом, когда они лежали рядом, потные и скользкие, он произнес знакомые слова:

– Я буду любить тебя до скончания веков и даже после.

Это была придуманная им фраза, которую он произнес в их первую брачную ночь, и она прозвучала настолько пафосно, что Маргарет не выдержала и рассмеялась ему в лицо. С тех пор она стала своеобразным кодом для них двоих, частью внутрисемейного языка – фразой, одновременно ироничной и искренней, сопровождающейся томным закатыванием глаз и глухим стуком сердца.

– И даже после, – повторила она, после чего положила голову ему на грудь.

4

Несколько недель спустя Гарри оплатил медицинскую страховку Рика, лечившего сломанный нос, записал Сидни на уроки балета в студию Джанет Рэнсом и купил для Юнис компьютер «Commodore 64» вместе со стопкой дискет.

Маргарет изобразила восхищение и присоединилась к восторгу девочек, когда Гарри принес домой эти подарки, но как только они остались вдвоем и принялись готовиться ко сну, она сказала:

– Я знаю, ты чувствуешь себя виноватым, и оплата медицинских счетов Рика – это правильный поступок, но не стоит тратить столько денег на всякую ерунду для девочек.

Гарри оторвался от чтения «Мертвой зоны»¹⁴ и взглянул на жену.

– Именно эту «ерунду» девочки будут вспоминать через двадцать-тридцать лет. Из таких вещей и складывается детство.

---

¹⁴ Роман Стивена Кинга, впервые опубликованный в 1979 году.

– Но компьютер стоит почти шестьсот долларов, – сказала она, втирая в кожу рук увлажняющий крем. – Не считая игр к нему, которые ты купил.

Гарри уронил книгу на грудь.

– И что ты от меня хочешь? Мне забрать у нее компьютер?

– Просто прошу – больше не делай таких крупных покупок. Нам еще Рождество как-то надо пережить.

Она посмотрела на него и увидела, как в нем постепенно угасает ярость. Когда он успел так вспылить? И из-за чего он разозлился?

– Ты права. Стоило сначала посоветоваться с тобой.

Но на следующий день Гарри опоздал с работы на целый час, и когда Маргарет встретила его в гараже, то обнаружила, что весь багажник их универсала забит досками и мешками из хозяйственного магазина.

– Ну и какого черта? – поинтересовалась она.

– Я буду строить «Дом с привидениями» для Хэллоуина, – ответил он.

Хэллоуин был любимым праздником Гарри, и он всегда праздновал его с девочками, но, насколько знала Маргарет, он никогда не посещал другие «Дома с привидениями» после их памятного совместного приключения в «Доме страха» в 1968 году.

– Но мы же договорились, – напомнила она.

– Ух ты, как круто! – раздался голос Сидни.

Она протиснулась мимо Маргарет в гараж, открыла заднюю дверь машины и принялась разгружать содержимое багажника.

– Сидни, прекрати, – сказала Маргарет. – Папа сейчас увезет все это обратно в магазин.

Сидни, уже тащившая полиэтиленовый пакет, остановилась на полпути между машиной и дверью в дом и вопросительно посмотрела на Гарри.

– Я не буду отвозить это в магазин, милая, – сказал он Сидни. – Все в порядке.

– Девочки, идите к себе в комнаты, – велела Маргарет.

Сестры втянули головы в плечи и поспешно покинули гараж.

Маргарет указала пальцем на доски в багажнике.

– Мы же договорились – больше никаких крупных покупок!

Помедлив мгновение, он протянул ей руку.

– Давай выйдем на улицу.

Она позволила ему провести себя через дом на задний дворик. Выйдя наружу, она почувствовала, как трава колет ее голые лодыжки. Гарри остановился в центре двора и медленно повернулся вокруг себя, увлекая ее за собой.

– Что ты видишь? – спросил он.

– Что тебе пора подравнивать газон, – ответила она.

– Я все жду, когда начнется осень и трава отомрет сама собой, но почему-то этого не происходит.

Комок досады в ее груди немного ослаб.

– Ты же сам хотел переехать в Техас.

– Нет, просто в Техасе я нашел работу, – ответил он. – Но давай вернемся к теме – что еще ты видишь?

Она закрыла глаза, глубоко вздохнула и снова их открыла. Затем оглядела двор – большой и плоский, слегка покатый квадрат травянистой земли, ограниченный с трех сторон высоким деревянным забором. Прямо возле задней двери расположилось небольшое бетонное патио с грилем, столом и несколькими пластиковыми стульями. В траве валялся свернутый шланг для воды, все еще присоединенный к крану, торчавшему из кирпичной стены дома. Вдруг Маргарет осознала, что они стоят в точности там, где она застала Гарри посреди ночи пару недель назад.

Но она не стала говорить ему об этом. Вместо этого она сказала другое:

– Я вижу обычный двор.

– Понимаю, – ответил он. – Я чувствовал то же самое до дня рождения Юнис. Но потом, когда я сидел на крыльце и смотрел на надувной домик, во мне что-то перевернулось, и я увидел, что все это – основа чего-то другого. Чего-то грандиозного. И теперь у меня не получается выбросить эту мысль из головы. – Он дотронулся до виска и поморщился. – Тупая боль, которая никак не проходит.

– Именно поэтому ты начал орать, как ополоумевший, и бить людей?

– Не знаю. – Он опустил руку и нахмурился. – Так это или нет, но я вынужден признать, что мне чего-то не хватает. Это не имеет отношения ни к тебе, ни к девочкам, – поспешно добавил он, снова взяв ее за руку. Жест получился автоматическим и слегка формальным. – Я про другое... ну, вот представь, я встаю каждый день, надеваю рубашку и галстук, потом еду через пробки в офис, где провожу большую часть времени, а к вечеру устаю так сильно, что сил хватает лишь на просмотр телевизора и сон. Иногда я думаю, что даже при самом благоприятном сценарии не увижу ничего другого до самой пенсии. А потом стану слишком старым и сломленным, чтобы заниматься чем-то еще, кроме как тратить последние несколько лет своей жизни на просиживание перед телевизором в ожидании почты, звонка или визита кого-то из моих повзрослевших детей. А потом я умру, и на этом все закончится.

– Многие люди считают, что так и должна выглядеть успешная жизнь, – сказала Маргарет.

– А ты?

Ей захотелось солгать ему, сказать, что «да, это будет отличная жизнь», и предложить заткнуться, но ее гнев уже почти испарился, а в груди появилось какое-то новое ощущение, которое вдруг стало сложно игнорировать.

– Ты же хорошо меня знаешь. У меня был шанс на благополучную «успешную» жизнь, но я выбрала тебя. Я хотела приключений.

– Ты умнее меня, – ответил он. – Я копил деньги на гуманитарный колледж, но получил специальность инженера. Я хотел доказать, что сумею о тебе позаботиться и что мы никогда не будем нуждаться. Наверное, надо было быть смелее. Как ты.

«Дом с привидениями»... «Дома с привидениями» ассоциировались у Маргарет с тем похожим на волка существом, которого она увидела в самом конце «Дома страха» – с оранжевыми глазами и в красном плаще, которое указало на нее, словно пометив перед тем, как Гарри столкнул ее в пластиковую трубу. И той тварью, которая появилась за окном машины Пирса Ломбарда, после чего ей привиделся поток насекомых, вырывающийся из его лба. Она никогда не обсуждала с Гарри ни того ни другого. И никогда не рассказывала о снах с воем, волками и странными младенцами. Кажется, не стоит поднимать эту тему и сейчас.

– Ну, тогда скажи, – сказала она, крепче сжав его руку, – как строительство «Дома с привидениями» может что-то изменить?

– Пока не знаю, – ответил он. – Но я чувствую, что это важно. Как будто если я его построю, то пойму, что надо делать дальше.

Она повернула его лицо к себе.

– Тогда заключим сделку. Ты хочешь быть легкомысленным и строить то, что тебе нравится. Тогда мне нужно кое-что взамен.

– Что именно?

– Я тоже не очень счастлива, – призналась она. Затем глубоко вздохнула и высказала то, что ее мучило с того разговора с Джанет Рэнсом: – Я хочу получить диплом. Но я не смогу этого сделать, если у нас будут проблемы с деньгами. А это значит, у тебя должна быть работа, Гарри, даже если ты ее ненавидишь. В общем, договор такой: ты сможешь построить эту штуку, если тебе так хочется, но взамен продолжишь надевать галстук и бороться с пробками, пока я не закончу учебу и не найду работу. Ты сможешь сделать это для меня?

Что-то промелькнуло на его лице, но в тусклом свете было трудно понять, что именно.

– Думаю, да, – ответил он, и она вдруг поняла, почему его лицо, когда он лунатил, казалось ей таким знакомым.

На нем было точно такое же выражение, какое Маргарет увидела в тот вечер в «Доме страха», когда появилось существо в красном плаще. Глаза Гарри в тот момент были абсолютно пусты.

5

Она позволила Гарри позвать девочек и сообщить им новость в гостиной, пока разогревала для него на кухне мясной рулет.

– Ты собираешься строить целый дом? – спросила Юнис.

– Не «целый дом», тупица, – ответила Сидни. – Что-то похожее на твой батут на дне рождения.

– Сидни, перестань обзывать сестру! – потребовала Маргарет.

– Она выразилась грубо, но поняла верно, – объяснил Гарри Юнис. – Это только название. Я построю эту штуку в гараже, а потом мы все вместе установим ее во дворе.

– Значит, это будет, скорее, дворик с привидениями, – рассудила Юнис.

– Формально, да, – согласился Гарри. – Но если сделаем все правильно, люди и не поймут, что это обычный дворик. Они будут думать, что на самом деле видят монстров и призраков.

– А зачем нам пугать людей? – не поняла Юнис.

– Потому что пугаться – это иногда весело, – ответил Гарри. – И я уверен, что у нас получится. Я сам займусь проектированием и строительством, но вы можете придумать свои комнаты, если хотите, и я их построю.

– То есть я могу придумать что угодно, и ты это построишь? – спросила Сидни.

– В пределах разумного, – ответил Гарри.

– Я умею шить костюмы, – сказала вдруг Маргарет, удивившись самой себе.

Она не собиралась в этом участвовать, но обнаружила, что борется с главной проблемой своей взрослой жизни: она никогда не хотела иметь детей. А вот Гарри – наоборот. Маргарет надеялась, что появление первого ребенка каким-то образом превратит ее в настоящую мать, то есть в женщину, светящуюся гордостью за свой выводок. Но, к сожалению, роды как Сидни, так и Юнис оставили ее равнодушной. Она честно выполняла свой долг – нянчилась, играла, пела, читала и кормила, но никогда не испытывала к своим детям такой же глубокой и страстной любви, какую она ощущала по отношению к Гарри. Мысль о том, что все родители чувствуют то же самое и что на самом деле требуются годы, чтобы полюбить своих детей, могла бы послужить ей утешением, но Гарри плакал от счастья при рождении каждой девочки и искренне радовался, когда видел их после работы. Казалось, он нисколько не возражал против их вторжения в его личное время и пространство, и Маргарет понимала, что дочери не могут не ощущать разницу между его сердцем и ее собственным. Из-за этого она постоянно чувствовала себя немного ущербной и стремилась хотя бы внешне демонстрировать любовь.

– Ты уверена? – спросил Гарри с легким удивлением и благодарностью.

– Конечно, – ответила Маргарет.

В итоге остаток вечера они провели за кухонным столом, рисуя на бумаге разнообразные чертежи.

Мой отец-инженер был одержимым коллекционером и скрупулезным хранителем всяческих записей, поэтому большинство из этих чертежей сохранилось. Я храню их в папке, спрятанной в ящике своего письменного стола вместе с рисунками сестер, иллюстрирующими их собственные идеи: например, комната, заполненная кукольными головами, или комната, в которой вас будет преследовать мумия, или, наконец, моя любимая – комната, выглядящая совершенно обычной, словно вы добрались до конца «Дома с привидениями», но в какой-то

момент гаснет свет и бестелесные голоса начинают нашептывать ужасную правду. В записях Юнис она называется «Комната гадких секретов».

В конце вечера Гарри собрал разрозненные бумаги с идеями и разложил их на кухонном столе. Затем потер подбородок и нахмурился.

– Что ж, у нас набралась целая куча разных страшных вещей, – сказал он. – Предлагаю сделать так: выбрать одну большую страшную идею, а из нее пусть исходят все остальные маленькие страхи. Мне кажется, – проговорил он, постукивая ластиком по бумагам, – что лучше всего устроить кладбище. Можно сделать фальшивые надгробия и установить черную шипастую оградку перед домом, а в задней части двора мы построим склеп из множества комнат. Каждая из них станет чьей-то усыпальницей или могилой. Можно сделать египетскую гробницу с мумией или, например, что-то похожее на надземные мавзолеи Луизианы.

– А почему в Луизиане не закапывают людей в землю? – поинтересовалась Сидни.

– Потому что Луизиана – это сплошное болото, – пояснила Юнис. – Когда людей пытаются хоронить, их оттуда вымывает. Они не могут там улежать.

Удивленные Маргарет и Гарри одновременно посмотрели на Юнис. Девочку, казалось, обескуражило внезапное к ней внимание.

– Это правда? – спросила Сидни.

– Да, – ответил Гарри, не сводя глаз с Юнис. – Откуда ты об этом узнала?

Юнис бросила виноватый взгляд на книжный шкаф в гостиной, затем понуро уставилась в стол.

– Не помню.

6

Жизнь потекла своим чередом. По утрам Гарри уезжал на работу, а Маргарет готовила документы для поступления в Техасский университет в Вандергриффе. По вечерам Гарри превращал кучу досок в сборные стены, полы и потолки. Сидни составляла ему компанию в гараже, надев детские защитные очки и делая домашнее задание, пока он измерял и пилил.

Сидни начала ходить на уроки балета, и вскоре Джанет Рэнсом сказала, что у нее врожденный талант. Всякий раз, когда Маргарет заставляла Сидни за отработкой пяти балетных позиций перед зеркалом в ее комнате, она замечала выражение какой-то яростной сосредоточенности на ее лице, почти экстатическое возбуждение. Казалось, она стремилась довести упражнение до полного совершенства и немыслимого изящества. С точно таким же рвением за свой новый компьютер взялась Юнис. Вернувшись из школы, она тут же бежала в комнату, садилась перед коричневой громоздкой клавиатурой и не отходила от нее до тех пор, пока ее не отрывали принудительно. Гарри очень удачно выбрал подарки – Маргарет никогда бы не додумалась до этого сама. Было больно осознавать, что хотя он целые дни проводил вдали от дочерей, все же чувствовал их потребности и желания лучше, чем она.

Что касается его собственных нужд, то доски у Гарри закончились раньше, чем он завершил основной каркас для Склепа, и после работы он принялся бродить по окрестностям, заброшенным строительным площадкам и домовладельцам, разбирающим ненужные заборы. Он накопил столько пиломатериалов, что забил ими почти весь гараж. Часть даже пришлось сложить в штабель во дворе рядом с домом, накрыв брезентом. Из пополненных запасов он выстроил еще больше стен и полов, то есть плоских неопасных щитов, которые складировал в гараже в виде тонких строительных блоков. Чтобы освободить пространство для своего проекта, Гарри и Маргарет пришлось оставлять машину на подъездной дорожке.

Какое-то время все шло великолепно, пока однажды ночью Маргарет не проснулась от пронзительного визга.

«Дети... – подумала она, выдираясь из последних розовых клочков улетающего сна. – Дети кричат».

Она догнала Гарри, когда тот уже распахивал дверь в комнату Юнис и включал свет. Юнис сидела в постели, прижавшись всем телом к изголовью, и издавала тот ясный и совершенно ужасный звук тревоги, от которого замирает сердце любого родителя.

– Что случилось? – крикнул Гарри, перекрывая голос дочери. – В чем дело?

Он сел на кровать и взял в ладони ее лицо. Глаза Юнис напомнили Маргарет глаза ее мужа во время того случая на дне рождения. В них было что-то дикое и не совсем человеческое.

Юнис несколько раз открыла и закрыла рот, затем указала через комнату на окно, выходящее на задний двор.

– Там кто-то был.

– Что? – переспросила Маргарет.

– Вот сволочь... – пробормотал Гарри, затем протиснулся мимо Маргарет и выбежал из комнаты.

Не успел он выйти, как зашла ошарашенная после сна Сидни, со спутанными волосами, похожими на птичье гнездо.

– Что происходит? – спросила она.

– Ничего, милая, возвращайся в постель. Гарри, подожди! – крикнула ему вслед Маргарет.

А что, если во дворе действительно кто-то есть? А Гарри пошел туда без обуви и оружия.

– Я не вернусь в постель, пока кто-нибудь не объяснит мне, что происходит! – заявила Сидни.

На мгновение Маргарет захотелось дать пощечину своей агрессивной, непослушной дочери. Именно так поступила бы ее собственная мать. Но беспокойство пересилило мгновенную вспышку ярости, и она побежала вслед за Гарри. Он оставил раздвижную стеклянную дверь открытой и бродил по двору с фонариком в руке, водя туда-сюда лучом по земле.

– Возвращайся в дом к девочкам, – велел он.

– Может, стоит вызвать полицию? – спросила она.

– Да что случилось-то?

Сидни вышла вслед за Маргарет и встала позади нее, скрестив руки.

– Посиди с сестрой, – сказала ей Маргарет.

– Черт возьми, Маргарет, ты не могла бы вернуться в дом? – сказал Гарри.

Его просьба, безусловно, имела смысл. Учитывая обстоятельства, девочки не должны оставаться сейчас одни. Она пошла по патио, возвращаясь к двери, как вдруг тонкая острая боль пронзила свод ее стопы. Маргарет вскрикнула.

Гарри осветил ее фонариком.

– Что такое?

– Кажется, я на что-то наступила, – ответила она. – Ничего страшного.

Она проковыляла в дом, включила свет на кухне и села за стол, положив раненую ногу на левое колено. Стопа была такой грязной, что невозможно было хоть что-то разглядеть. Она провела по ней тыльной стороной ладони и почувствовала еще один укол боли. Значит, заноза.

Она доскакала до комнаты Юнис на одной ноге, как фламинго, и оперлась о дверной проем. Сидни сидела рядом с Юнис на кровати, держала ее за руку и что-то шептала. Увидев Маргарет, она замолчала.

– Сидни, принеси, пожалуйста, пинцет из верхнего ящика в ванной, – попросила Маргарет.

– Что происходит? – в который раз спросила Сидни.

– Скорей, Сидни, – сказала Маргарет. Затем почувствовала укол вины и добавила: – Я наступила на что-то во дворе и теперь не могу вытащить. Поможешь?

Сидни встала и пошла в ванную. Маргарет дохромала до кровати, села и поморщилась. Затем взяла Юнис за руку и попыталась улыбнуться.

– Папа что-нибудь увидел? – спросила Юнис.

– Пока ничего, но он ищет.

– Я правда видела человека, – сказала Юнис. – Ты же мне веришь?

Сидни вернулась с пинцетом, вовремя прервав их разговор. Юнис вместе с Маргарет опустились на пол, и Маргарет положила голову на колени Юнис. Сидни села на кровать, зажав стопу Маргарет своими коленями. Маргарет попросила Юнис держать ее за руки – не оттого, что нуждалась в поддержке, а просто чтобы чем-нибудь отвлечь дочь. Сидни быстро нашла занозу и извлекла ее со второй попытки. Она вышла из тела Маргарет с прощальным укусом.

– Готово! – торжествуя воскликнула Сидни, продемонстрировав матери пинцет.

– Держи крепко, – сказала Маргарет. – Не урони на постель сестры.

– Не уроню, – буркнула Сидни, вновь насупившись.

Маргарет взяла пинцет из рук Сидни и осмотрела предмет, зажатый между рычагами: длинный тонкий осколок зеленого стекла. Должно быть, от бутылки, которую Гарри разбил на той вечеринке несколько недель назад. Правда, с тех пор она много раз подметала патио. Как этот кусочек мог там сохраниться?

Маргарет помазала ранку «Неоспорином» и заклеила пластырем, затем отнесла осколок на кухню. Она хотела выбросить его в мусор, но почему-то передумала. Вместо этого она завернула его в целлофановую пленку для сэндвичей и спрятала в глубине ящика для кухонных полотенец и подставок для кастрюль. Она не понимала, зачем это сделала – просто почувствовала такую необходимость.

Гарри вернулся, когда она закрывала ящик. Он нахмурился, с его губ уже был готов сорваться вопрос.

– Нашел что-нибудь? – спросила Маргарет, чтобы его отвлечь.

Он положил фонарик на обеденный стол.

– Я обошел весь двор три раза, но ничего не увидел. Должно быть, ей приснился кошмар.

Потом они попытались вновь уложить девочек, но Юнис отказывалась верить, что ей это приснилось.

– Я точно знаю, что видела! – настаивала она.

– Иногда трудно отличить сон от яви, – сказала ей Маргарет. – Сны могут казаться очень реальными. Почему бы нам не поспать и не обсудить это завтра утром?

– А можно я посплю с вами? – спросила Юнис.

– Нет, – ответила Маргарет.

– Да, – одновременно с ней ответил Гарри.

– Тогда я тоже, – вмешалась Сидни. – Не оставаться же мне в одиночестве после такого!

Таким образом, вся семья Тёрнеров втиснулась в одну взрослую кровать. Девочки посередине, Маргарет и Гарри – по краям. Девочки заснули почти мгновенно, вскоре после них провалился в сон Гарри. Рядом с ним уютно устроилась Сидни. Однако Юнис все время брыкалась, и каждый раз, когда Маргарет начинала засыпать, по ее тазу, бедру, животу или спине стучало колено Юнис. Около четырех утра, устав от бесконечных нападений, Маргарет встала с кровати, сварила себе кофе и села перед телевизором. Она нашла какой-то старый черно-белый фильм, шедший по кабельному, о профессиональном гипнотизере, использовавшем лунатика для совершения убийств¹⁵. К тому времени, когда взошло солнце, Маргарет чувствовала себя еще хуже, чем когда лежала в постели без сна и терпела беспорядочные пинки дочери.

---

¹⁵ Судя по всему, речь идет о фильме «Кабинет доктора Калигари» (режиссер Роберт Вине), вышедшем в 1920 году, – знаковой для развития кинематографа классической картины, положившей начало так называемому немецкому киноэкспрессионизму. Считается первым «официальным» фильмом ужасов.

Гарри и дети вышли из спальни чуть позже шести, привлеченные запахами бекона и тостов. Разговоры за столом ограничились обычными просьбами – передай мне это, можно я возьму то и так далее. Маргарет проводила Гарри на работу, затем девочек в школу и, как только дом оказался в полном ее распоряжении, взяла метлу и совок и снова подмела бетонную площадку. А потом еще раз. И еще. После каждого прохода она заглядывала в содержимое совка, но видела в нем только грязь. Она понимала, что должна была испытать облегчение, но вместо этого стала ощущать лишь смутное беспокойство – словно упустила какой-то ключ или знак.

Наконец она прислонила метлу к стене дома и подошла к окну спальни Юнис. Маленькому квадратному оконцу следовало бы располагаться на уровне земли и освещать подвал, но конкретно оно было расположено довольно высоко. Заглянуть в него, не говоря уже о том, чтобы пролезть внутрь, мог только человек довольно рослый. И какой вообще в этом смысл, если в других спальнях стояли низкие полноразмерные окна? Может, потому, что это единственное окно, которое не видно с улицы? В любом случае нужна лестница, чтобы его открыть. Или огромная сила, чтобы подтянуться на одной руке, а второй копошиться с защелкой.

Она вошла в дом и убрала метлу. Затем достала стремянку и поставила на мягкую почву под окном, после чего взобралась на нее, чтобы осмотреть все повнимательнее.

Легкое болезненное чувство поднялось из глубин ее живота. В кирпичной кладке справа от окна она увидела три глубокие выбоины, а левая сторона рамы была отогнута наружу по меньшей мере на дюйм.

Маргарет ухватилась за оконную раму, чтобы не упасть, повернула голову, и ее вырвало в траву. Пальцы заскребли по неподатливому кирпичу, тело содрогнулось в конвульсиях, грудная клетка горела.

7

Когда Гарри вернулся с работы, она заставила его подняться наверх и осмотреть окно самому. Он провел пальцами по кирпичам, потрогал раму и опустил стекло.

– Ну, что-нибудь увидел? – спросила она его снизу.

Гарри слез на землю.

– Да, несколько дефектов кирпичной кладки, и рама немного отошла, но это еще ничего не значит. У каждого кирпича есть маленькие недостатки, а эти могли остаться еще со времен строительства. И рама, возможно, просто износилась. Не знаю. Я не следил за домом так тщательно, как следовало бы.

– То есть ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что не вижу оснований для паники.

Он сложил стремянку и понес ее обратно на место.

– Я понимаю, это звучит странно... – говорила она, следуя за ним через патио. – Но после того, что увидела Юнис прошлой ночью, не думаешь ли ты, что...

Гарри прислонил сложенную стремянку к стене и обернулся так быстро, что Маргарет пришлось сделать шаг назад.

– Господи! – сказал он. – Проклятие, тебе это еще не надоело?

Она отступила еще на шаг.

– Решила накидать мне выдуманных проблем? – поинтересовался он. – Заняться больше нечем?

– Ты что, совсем больной? – спросила она. – С каких пор это выдуманная проблема? Юнис что-то увидела, и окно выглядит странно. Ты действительно считаешь, что у меня просто истерика?

Он закрыл глаза и потер виски.

– Ну хорошо, ты права, – сказал он уже без прежней воинственности в голосе. – Но я осмотрел все прошлой ночью и ничего не нашел. Так что, если к нам не залетали по воздуху, то я вообще не представляю, как там мог кто-то оказаться. Пойми, Юнис – ребенок. Мы не можем позволить детским кошмарам влиять на нашу жизнь.

Договорив, он поднял стремянку и понес ее внутрь.

Маргарет не пошла за ним. Вместо этого она осталась на патио, села в пластиковое кресло и глубоко задумалась. В первый раз в жизни он повысил на нее голос и даже не подумал извиниться. Как он мог сказать, что не увидел ничего необычного? Он что, сошел с ума? Или же с ума сходит она?

8

Даже трудясь каждый рабочий день от ужина до сна и целыми днями по выходным, Гарри не успевал со строительством Склепа. С первой недели октября он стал работать до поздней ночи и спать на диване, если вообще спал. Он делал маски из папье-маше, изготавливал резиновых монстров, красил модульные стены и спорил с девочками об идеях их комнат, пока они совместно не остановились на сиротской усыпальнице для Юнис и могиле балерины-вампириши для Сидни.

Потом он принес домой баллончики с искусственной паутиной, маленькие упаковки с игрушечными жуками и пластиковые вампирские зубы. Аксессуары для Хэллоуина копились в гараже и перетекали на кухню, где Маргарет установила на столе швейную машинку. Она никогда раньше не шила всерьез – мать, конечно, учила ее, но у Маргарет сложилось впечатление, что это «низкая» работа для особых случаев (например, подшить порванную рубашку во время отпуска или на случай крайней нищеты). Маргарет удивилась и обрадовалась, когда обнаружила в себе настоящий талант к этому делу. Даже первые ее костюмы получались не хуже, а может, даже лучше, чем в магазине.

– Ничего себе! – сказал Гарри, когда она показала ему искусно сшитый белый костюм с длинными фалдами, который она сделала специально для него. Ткань была новой, но каким-то образом Маргарет сумела создать впечатление, будто костюм лет сто пролежал в могиле. А швы получились настолько кривыми, что прямо резали глаз. – Ты могла бы зарабатывать этим на жизнь.

Но ей не вполне удалось насладиться триумфом. Теперь ее рвало почти каждое утро. Она подсчитала: две недели задержки. Но сейчас приходилось много шить, и она решила отложить обдумывание этого вопроса на потом.

Наконец Гарри приступил к строительству во дворе. Он превратил свои модульные стены в лабиринт из комнат и коридоров. Он трудился каждый вечер после заката, приклеив к каске скотчем два фонарика, чтобы видеть, где долбить и сверлить. Когда работа начала затягиваться до позднего вечера, соседи стали жаловаться. Вместо того чтобы свернуть работы, Гарри пригласил их в помощники для создания и подбора персонажей или, как в случае с Джанет Рэнсом, назначил ее «постановщиком движений» для актеров. Он нещадно льстил своим новым товарищам по заговору по поводу их собственных доселе не раскрытых талантов, и достаточно быстро они со строительством смирились (а, возможно, даже им увлеклись).

В дополнение к проекту во дворе Гарри начал строить плоскую платформу на вершине остроконечной крыши дома для установки там маяка.

– Я хочу, чтобы весь район – даже город! – увидел его и пришел к нам на Хэллоуин, – сказал он.

Когда Маргарет засыпала по вечерам, она слышала его приглушенный голос и шаги над головой. В полусне их можно было принять за шаги нетерпеливого гостя, расхаживавшего взад-вперед в ожидании приглашения войти.

9

За две недели до Хэллоуина Гарри взял выходной и повез всю семью в Тайлер, чтобы навестить свою мать Дебору в день ее рождения. Дорога заняла все утро. Это было немалое расстояние, испугавшее Дебору Тёрнер в тот день, когда Гарри и Маргарет впервые предложили ей поселиться в «Уирвуд-хоум».

– Вы же никогда ко мне не приедете, – сказала она. – Это слишком далеко.

В общем-то, ее слова оказались недалеко от истины. Маргарет и Гарри не всегда удавалось приезжать сюда хотя бы раз в два месяца, но «Уирвуд» был самым комфортным местом для длительного психиатрического лечения в Техасе. В нем имелись просторные одноместные апартаменты, роскошная, хорошо ухоженная территория, насыщенное активными занятиями расписание и прекрасный персонал, всегда готовый прийти на помощь в таких делах, как управление расходами, здоровье или фитнес.

Маргарет долго не решалась на то, чтобы поместить Дебору в «Уирвуд». Когда они с Гарри только переехали в Техас, Маргарет предложила ему, чтобы Дебора пожила с ними.

– Разве не так должны поступать любящие дети? – спросила она.

Гарри обхватил кружку обеими руками и надолго устался на остатки кофе. Через некоторое время он сказал:

– Ты очень добра, но, кажется, не совсем понимаешь, о чем говоришь. Я думаю, ты... – Он замолчал и почесал подбородок. Затем постучал по брошюре из «Уирвуда», лежавшей на кухонном столе. – Просто поверь, так будет лучше.

Деборе там понравилось. Она охотно заводила новых друзей, украшала свою комнату, всерьез увлеклась вязанием. Она казалась довольной жизнью, когда Гарри, Маргарет и девочки приезжали к ней, жалуясь только на то, что внуки растут слишком быстро между визитами.

– О нет! – говорила она, обхватывая ладонями их лица. – Прекратите так быстро расти. Немедленно!

Это посещение началось как обычно – с ритуальных объятий и восклицаний, за которыми последовало барбекю и торт за столом на лужайке для пикников. После обеда Гарри и девочки увлеклись игрой с одной из обитавших здесь собак – золотистым ретривером по кличке Дейзи. Они бросали друг другу теннисный мячик, и собачка носилась за ним, пытаясь поймать его в воздухе. Маргарет и Дебора остались сидеть за столом, любуясь на них и попивая сладкую газировку. Время от времени Маргарет украдкой бросала на Дебору взгляды, пока пожилая женщина не задала ей вопрос:

– Что у тебя на уме, милая?

– В смысле? – испуганно спросила Маргарет.

– Я стара, но не глупа, – ответила Дебора. – И не слепа. Я же вижу, что тебя что-то беспокоит.

Маргарет с трудом заставила себя произнести следующие слова. Сказанное вслух каким-то образом оживило ее страхи и сделало их реальными.

– Когда вы впервые узнали, – спросила она, – что... не совсем здоровы?

Дебора повернулась к ней лицом.

– С Гарри что-то не так? Или с девочками?

– С девочками вроде все в порядке, – ответила Маргарет, – но Гарри... В последнее время он ведет себя странно.

– У меня это началось еще в средней школе, – сказала Дебора. – Иногда мне казалось, что свет слишком яркий, а иногда – что звук слишком громкий. Это было похоже на похмелье, только без выпивки. Иногда я не спала целую неделю, а потом отсыпалась три-четыре дня подряд. Я не могла заводить друзей и поддерживать отношения. У меня случались дикие перепады

настроения. В день свадьбы я вообще ничего не чувствовала, а на похоронах мужа хихикала. Иногда, когда я разговаривала с другими людьми, они говорили мне, что я несу полную околесицу. Но пока был жив Билл, он помогал мне справляться с болезнью и даже скрывать ее. Но после того, как он почил и остались только мы с Гарри, все стало намного сложнее. Мне казалось, что все люди в супермаркете таращатся на меня и говорят только обо мне. Читая ингредиенты на банке супа или глядя на дно кофейной кружки, я видела скрытые сообщения. – Она глотнула из стакана. – У меня даже был альбом для вырезок – всякие этикетки, газетные статьи, куча записок с работы. Я была абсолютно уверена, что кто-то пытается мне что-то сказать, просто я не могу понять, что именно. И вот однажды ночью полиция подобрала меня на обочине шоссе в десяти милях от дома. Я была босой, в ночной рубашке и понятия не имела, как туда попала. Гарри проснулся посреди ночи, увидел, что меня нет, и позвонил в службу спасения. Должно быть, я ушла из дома во сне. Как иначе это можно объяснить? Остальное ты, наверное, знаешь: больницы, лекарства... Какое-то время Гарри пришлось жить у дяди с тетей.

– Гарри никогда мне об этом не рассказывал, – ответила Маргарет.

– Я не удивлена. О том времени тяжело вспоминать нам обоим, – ответила Дебора. – Ни один ребенок не должен оставаться один на один с психически больным родителем. – Она моргнула, глядя на собственные колени, и Маргарет взяла ее за руку.

Наверное, она не сможет рассказать о недавнем поведении Гарри. Что бы ни произошло потом, но Маргарет придется справляться с этим в одиночку.

Вместо этого она спросила:

– С тех пор вам больше не кажется, что вы получаете секретные сообщения?

Дебора улыбнулась натянутой, невеселой улыбкой.

– Нет.

– А что вы собирались с ними делать? Еще тогда, когда получали?

Пожилая женщина на мгновение задумалась.

– Ничего такого, что имело бы смысл. Собственно, поэтому люди и называют это «безумием».

10

Обратно в Вандергрифф они выехали около пяти. Девочки дремали на заднем сиденье, а Маргарет и Гарри слушали радио. Маргарет вспоминала свой разговор с Деборой, вновь и вновь прокручивая в голове ответы пожилой женщины. Она была так поглощена своими мыслями, что не заметила, как Гарри нахмурился и стал тереть виски, втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. Примерно в полтора часа езды до дома он вдруг судорожно вдохнул, свернул на обочину и остановился так резко, что Маргарет дернулась вперед, вжавшись в ремень безопасности.

– В чем... – начала она, как вдруг руки Гарри взлетели с руля. Одна врезалась в окно, другая ударила Маргарет по голове. Она качнулась вправо, скорее, от испуга, чем от боли. Проснувшиеся девочки закричали. Ноги Гарри судорожно подергивались, он беспорядочно жал на педали, взревывая двигателем. Из глубины горла вырывались негромкие булькающие звуки, словно он тонул. Внезапно его выгнуло, и он ударился затылком о подголовник.

Приступ! Разум Маргарет ухватился за это слово, как за спасательный круг. Что же делать? В фильмах люди всегда кладут что-нибудь человеку в рот, например деревянную ложку. Но где она найдет тут ложку? Черт, черт, черт! Девочки уже визжали, и от этого становилось только хуже.

– Тихо! – прикрикнула она на них. – Дайте мне подумать.

Тело Гарри обмякло, и он склонился вперед, прижавшись подбородком к груди и закрыв глаза. Девочки притихли. По щекам Сидни текли слезы, каждый ее вздох сопровождался соп-

лями. Глаза Юнис были сухими, но она сильно побледнела. Гарри сделал несколько глубоких вдохов через открытый рот, затем вытер лицо рукавом. Маргарет вдруг осознала, что сидит, прижав одну руку к своей груди, а другую к плечу Гарри. Она заставила себя его отпустить.

Гарри открыл глаза, еще раз судорожно вздохнул и посмотрел на Маргарет.

– Где мы? – спросил он.

11

Оставшуюся часть пути до дома машину вела Маргарет. Она оставила Юнис и Сидни с Рэнсомами, а сама отвезла Гарри в отделение неотложной помощи в мемориальную больницу Вандергриффа. Они просидели несколько часов в переполненном приемном покое, прежде чем их отвели в смотровую. И только в три часа ночи к ним заглянул врач и пообещал, что осмотрит их сразу, как только освободится.

– Забери девочек и отдохни немного, – сказал Гарри. – Я позвоню, когда до меня дойдет очередь.

Маргарет ни за что не призналась бы в этом, но она была рада уйти. Ей нужно было побыть одной. Она поцеловала мужа в соленый лоб сухими губами и ушла за девочками. Затем привела их домой и, успокоив ласковыми обещаниями, уложила в постели. После чего поставила будильник на пораньше, чтобы позвонить с утра в школу и отпросить их с занятий.

Самой ей не спалось. Она пощелкала телевизором, но не нашла ничего интересного. Тогда вопреки остаткам здравого смысла она взяла с полки Гарри антологию под названием «Великие американские истории ужасов». Раскрыв оглавление, она тут же увидела хорошо знакомое ей название: «Пес» Г.Ф. Лавкрафта. Она понимала, что лучше поставить книгу обратно на полку, но не смогла удержаться от того, чтобы не прочитать рассказ снова – впервые с 1968 года. В этот раз ее особенно поразил следующий фрагмент:

«...в нашем одиноком доме словно поселилось некое злобное существо, природу которого мы не могли угадать, и с каждым днем демонический лай, разносившийся по продуваемым ветрами пустошам, становился все громче и громче. 29 октября мы обнаружили в мягкой земле под окном библиотеки ряд следов, совершенно не поддающихся описанию...»

– Ты должна помочь папе.

Поглощенная чтением, Маргарет вздрогнула и уронила книгу на колени. Прямо перед ней стояла Сидни. Маргарет даже не поняла, когда она успела войти в гостиную.

– Тебе не следует так подкрадываться к людям, – сказала Маргарет. – Я ему помогаю, как и все мы. Он сейчас с врачами, и лучшее, что мы можем сделать, это отдохнуть, чтобы позаботиться о нем, когда он вернется домой.

Сидни бросила на Маргарет деловой безразличный взгляд, подходящий, скорее, раздраженному начальнику, а не ребенку.

– Я не про это.

– Тогда объясни так, чтобы я поняла.

Сидни нахмурилась с непонятым выражением лица.

– Почему ты его больше не любишь?

– Тебе всего десять лет, Сидни. Ты даже не знаешь, что такое любовь.

– Чушь это все! – воскликнула Сидни и пулей вылетела из комнаты.

Маргарет слишком сильно удивилась, чтобы ее догонять. Она задумалась над словами дочери. Гостиная казалась крошечной, тесной со всех сторон. У Маргарет свело живот, она поморщилась и прижала к нему руки, прежде чем взять книгу и закончить читать рассказ Лав-

крафта. При первом прочтении она закатывала глаза от истерического мелодраматизма автора, но в этот раз последние фразы рассказа застряли у нее в голове, породив смутное беспокойство:

«Звездный ветер приносит безумие... Эти когти и клыки веками стачивались о человеческие кости... Кровавая смерть на крыльях нетопырей из черных, как ночь, развалин разрушенных временем храмов Велиала... Сейчас, когда лай мертвого бесплотного чудовища становится все громче, а хлопки мерзких перепончатых крыльев слышны все ближе у меня над головой, только револьвер сможет дать мне забвение – единственное надежное убежище от безымянного и неназываемого».

– Где ты? – прошептала она в тишину дома. – Что тебе нужно?

12

В больнице Гарри продержали почти до обеда следующего дня. Когда Маргарет и девочки приехали его забирать, он уже ждал их у приемного пандуса – ужасно усталый, но на вид вполне здоровый. Гарри подошел к машине и со вздохом облегчения рухнул на пассажирское сиденье. Затем прислонился головой к окну и закрыл глаза. Маргарет завела машину.

– Ну и каков результат? – спросила она.

– Никаких результатов, – ответил Гарри. – Мне посоветовали обратиться к специалисту. Пройти дополнительные тесты.

Он достал из кармана визитную карточку, но спрятал прежде, чем она успела ее рассмотреть.

– И это все? Больше ничего не сказали?

Гарри покачал головой.

– Они не хотят ставить преждевременные диагнозы. Говорят, может быть все, что угодно, поэтому лучше подождать, пока не узнаем больше.

Своим ответом он словно дал ей разрешение притворяться, будто все нормально. И если моя мать ухватила за эту возможность слишком рьяно, то я не могу ее за это винить.

Теперь, с опозданием на несколько недель, она купила домашний тест на беременность и использовала его, когда осталась дома одна. Именно в этот момент в историю вступаю я, но пока еще находясь за сценой – в виде измененного цвета жидкости в пузырьке из тестового набора «Дэйзи 2». Мама села на край ванны и закрыла лицо руками. Ребенок. Ничего хуже быть не может.

Она потеряла руками живот в том месте, где, по ее представлению, плавал я, делясь на клетки и обретая массу и форму. «Прости, малыш», – пробормотала она. Жаль, что я не мог ответить ей тогда, успокоительно приложив руку к стенке ее чрева изнутри. Я продолжал жить в счастливом неведении своего идеального маленького мирка, а не там, где она сидела в отчаянии.

И я оказался не единственной тревожной новостью, свалившейся на плечи Маргарет. За пять дней до Хэллоуина ей позвонила Уилма Кэбот из приемной комиссии Техасского университета в Вандергриффе и сообщила, что чек за вступительный взнос отклонен.

На грудь Маргарет опустился холодный камень.

– Я уверена, что здесь какая-то ошибка...

– Возможно, – ответила Уилма, и от вежливой доброты ее голоса Маргарет стало еще холодней. – Но факт остается фактом: ваш вступительный взнос к нам не поступил.

– Значит, мое заявление не рассмотрят?

Как чек мог быть не оплачен? На балансе ее чековой книжки лежала почти тысяча долларов.

А вступительный взнос – всего лишь десять долларов.

– Ну что вы, мэм, – успокоила ее Уилма. – Если вы сумеете представить действительный чек или оплатить наличными до конца ноября, то мы дадим заявлению ход.

Маргарет пообещала лично приехать с деньгами через пару дней, поблагодарила Уилму и повесила трубку. Затем подошла к столу, где они хранили квитанции, и просмотрела все за последние несколько месяцев. Насколько она могла судить, расходы сходились верно.

Гарри вернулся домой поздно, около половины седьмого, на грузовике Рика. Вместе они загнали машину задним ходом на подъездную дорожку, причем Рик вел, а Гарри подавал ему команды, встав коленями на пассажирское сиденье. Когда Маргарет открыла дверь гаража, они вдвоем выгружали из кузова полированный серебристый гроб.

– Что это такое, черт возьми? – спросила она.

– Привет, Маргарет, – ответил Рик.

Он выглядел смущенным, словно его поймали за чем-то дурным.

– погоди, Рик, – сказала она и вновь посмотрела на Гарри. – Я думала, ты собираешься строить гроб своими руками.

– У нас почти не осталось времени, – ответил Гарри. – Так будет проще.

– Сколько он стоил? – спросила Маргарет.

– Нисколько, – сказал Гарри, но Рик опустил взгляд от неловкости, и тогда ее супруг добавил: – Я взял его в городском общественном театре.

– И они просто позволили тебе его забрать?

– О господи, да! – ответил Гарри. Затем почесал шею. Рик ушел на подъездную дорожку и встал, прислонившись к капоту грузовика. – Ну ладно, немножко заплатить пришлось.

– Сколько?

– Сто долларов.

– Гарри!

– Что? – сказал он. – Потом я отдам его в школу, в драматический кружок. Дэниел Рэнсом обещал помочь организовать людей на входе. Если он задержится в нашем районе, то через несколько лет займет важную часть в жизни Сидни. Она наверняка захочет играть в пьесах. – Гарри смотрел на ее реакцию, и она, похоже, ему не нравилась. – В чем дело, вообще?

– Мне сегодня позвонили из университета, – ответила она. – Мой вступительный чек отклонен.

– Неужели?

Маргарет не могла понять, искреннее или притворное удивление отобразилось на его лице.

– Мы с тобой договаривались! – напомнила она. – А теперь наши чеки не проходят, и ты тратишь целое состояние на реквизит на один вечер, чтобы наш сосед провел два или три часа в качестве билетера?

– Ты можешь успокоиться? Мне заплатят в пятницу. Позвони в университет и скажи, что принесешь чек в следующий понедельник.

– Не в этом дело, – сказала Маргарет. – Ты не должен разбазаривать деньги за моей спиной. Это неправильно!

Гарри провел обеими руками по волосам.

– Деньги уже потрачены, Маргарет. Прости, что все эти годы я поддерживал тебя и уговаривал вернуться в колледж, а ты сидела на жопе ровно и ни черта не делала! Уж прости, что спустя более чем десять лет ожидания я решил сделать хоть что-то для себя, и мне очень жаль, что это вдруг совпало с твоим внезапным интересом к образованию. Я уже предложил решение проблемы, так скажи мне, чего ты от меня еще хочешь?

Еще полгода назад ее полностью устраивала их жизнь. Ей нравилось беспокоиться о муже, чувствовать незамысловатую, но однозначную любовь к нему и всем сердцем надеяться,

что он не заболеет и не сойдет с ума. Она даже не думала решать, что лучше – привносить еще одного ребенка в эту распадающуюся семью или отпустить его обратно в эфир. Она хотела высказать все это ему в лицо, но не смогла подобрать нужных слов.

– Ничего, – ответила она. – Я больше от тебя ничего не хочу.

13

В младенческом возрасте Юнис своей бессонницей доводила мать до безумия. Пока ей не исполнилось два года, мама порой не могла уложить ее целую ночь. Но, как мне кажется, Юнис даже тогда не научилась спать. Она просто приспособилась развлекать себя сама, разглядывая книги и обучаясь чтению при свете фонарика. А иногда, дождавшись, когда все уснут, она прокрадывалась в гостиную и смотрела там телевизор.

Но после того как папа купил для нее «Commodore 64», она позабыла о телевизоре. В течение нескольких недель она играла в игры, подаренные ей папой, но быстро устала от простых повторяющихся заданий – вроде подбора слов к изображениям, решения несложных математических задач или борьбы с драконами и космическими кораблями – и стала учиться печатать в текстовом процессоре. Она писала по ночам, стараясь не щелкать клавишами слишком громко.

Будучи всего лишь шестилеткой (хотя и яркой, продвинутой шестилеткой), она не владела всеми тонкостями грамматики и форматирования, поэтому в ее электронном дневнике за 1982 год нет абзацных отступов и многих знаков препинания, что существенно затрудняет чтение, но именно эти первые детские записи составляют интересную прелюдию к более поздней работе. Это важный взгляд на тьму тех времен, которые я могу охватить лишь посредством фотографий, дневниковых записей, газетных статей и отрывочных, неполных воспоминаний выживших членов нашей семьи. Я говорю об этом сейчас только для того, чтобы привлечь ваше внимание к записке, которую Юнис написала за неделю до Хэллоуина:

Папа чувствует себя нехорошо. Он часто болеет но не хочет чтобы об этом кто-то знал. Мама грустит, но делает вид будто это не так. Мама и папа все время притворяются. Вчера я спросила Сидни, не считает ли она папу странным. Но Сидни ответила что я глупая. Но я не знаю, можно ли доверять Сидни. Однажды я спросила ее, за кого она хочет выйти замуж. И Сидни сказала что будет ждать когда умрет мама, и выйдет замуж за папу. Значит Сидни притворяется, потому что папа притворяется, а Сидни хочет быть хорошей для папы. Сегодня папа упал и затрясся, как в тот день в машине. Мы были на заднем дворе. Мама и Сидни ушли в магазин, и я не знала что делать. Но все кончилось быстро, и папа заставил меня сказать, что я никому не скажу. Так что теперь я тоже притворяюсь. Надеюсь, Хэллоуин скоро закончится и мы все перестанем притворяться.

Эта записка ценна по двум причинам. Во-первых, она доказывает, что мой отец скрывал состояние своего здоровья от матери. Во-вторых, и это, возможно, даже более важно: записка напомнила мне, что Юнис, вероятно, не спала в то время, когда она (по ее утверждению) кого-то увидела у окна. Должно быть, она даже не думала засыпать и стучала на клавиатуре, когда заметила, что за ней кто-то наблюдает.

На следующий день после ссоры у гроба Маргарет пошла к гинекологу, чтобы убедиться: да, она действительно беременна. Она попыталась отнестись к этой новости стоически, но тем не менее врач дал ей адрес и телефон «Центра планирования семьи» в Далласе.

– Просто на всякий случай, – сказал он.

Вернувшись домой во второй половине дня, она увидела, что Гарри занимается ремонтом покосившегося изогнутого заборчика.

– Ты сегодня рано, – сказала она.

– Взял небольшой отпуск, – ответил Гарри, не поднимая глаз. – А ты где пропадала?

– В магазине тканей, – солгала она. Затем, чтобы как-то объяснить отсутствие магазинных сумок, добавила: – Не нашла того, что искала.

Он не стал выяснять подробности и вернулся к работе. Маргарет оставила сумочку дома и пошла забирать девочек из школы. Когда они вернулись, Гарри уже закончил возиться с забором и устанавливал на траве надгробные плиты из пенопласта. Если вы когда-нибудь бывали в «Домах с привидениями», то знаете, в чем тут потеха: на фальшивых могилах обычно пишут смешные имена: Фрэнк Н. Штейн, Д-р Акула и тому подобное. Но Гарри либо не знал, либо игнорировал «фальшивокладбищенский» этикет. На всех надгробиях он разместил имена людей, которых знал лично: Дэниела Рэнсома из соседнего дома, Рика и Тима из Дорожного департамента, самого себя, Маргарет, а на двух маленьких крестиках у входной двери он написал «Юнис» и «Сидни». Когда Юнис увидела крест со своим именем, она расплакалась.

– Зачем ты это сделал? – спросила она.

Гарри прекратил работать.

– Это вроде подписи на домашнем задании. Я хотел, чтобы люди знали, кто работал над Склепом.

– Почему ты хочешь, чтобы я умерла? – спросила Юнис, явно пропустив объяснение Гарри мимо ушей.

– А я думаю, это отличная идея, – сказала Сидни. – Спасибо, папа.

Юнис опустила голову и ударила ею Сидни в грудь. Захрипев, Сидни рухнула навзничь, и Юнис напрыгнула на нее сверху. Она придавила коленями руки Сидни и принялась мутузить ее кулаками.

– Заткнись! – кричала Юнис. – Заткнись, заткнись, заткнись!

Сидни, более крупная и сильная, высвободила правую руку и ударила Юнис по голове. Юнис покачнулась, но удержалась на месте и продолжила свой шквал пощечин.

– Гарри! – крикнула Маргарет. – Помоги мне!

Гарри, продолжавший устанавливать надгробия во дворе аккуратными рядами, оторвался наконец от своего занятия, прошел через двор к ним и ударил Юнис по лицу тыльной стороной ладони. Юнис скатилась с Сидни и упала в траву, где затихла, свернувшись калачиком и обхватив голову руками. Сидни встала и пробежала мимо Маргарет в дом.

– На кой черт ты это сделал? – закричала Маргарет на Гарри.

Гарри моргнул. Посмотрел на Юнис, потом на Маргарет. Что-то вроде сожаления мелькнуло на его лице, но потом он пожал плечами.

– Ты просила помочь, – сказал он.

– Никогда не поднимай на нас руку! – прорычала Маргарет. – Или я сама убью тебя. Ты меня понял?

Ей показалось, что в следующее мгновение он ударит и ее. Но он постоял, тяжело дыша и подвигав челюстями, затем развернулся и пошел на другую сторону лужайки строить надгробия.

Маргарет помогла Юнис подняться и отвела в дом, чтобы осмотреть полученные ею травмы. Губа у дочери была разбита, но в остальном вроде обошлось. Маргарет завернула в полотенце кусок льда и прижала его к лицу Юнис.

– Прости, – сказала Юнис. – Я просто испугалась.

– Знаю, милая.

Маргарет никогда раньше не видела, чтобы Юнис с кем-то дралась – даже в детском саду. Сегодняшний день оказался богат на открытия, и ни одно из них не пришлось ей по душе.

– Теперь я постоянно боюсь, – призналась Юнис.

Маргарет посмотрела вдоль коридора на закрытую дверь спальни Сидни. Ей показалось, что она слышит ее плач.

– Папа еще любит нас?

Маргарет с трудом заставила себя взглянуть на Юнис.

– Конечно же, любит.

Юнис опустила лицо и больше не смотрела в глаза матери. Она устала на стол, пока на ее лице таял лед. Проведя рукой по мягким рыжим волосам дочери, Маргарет вдруг осознала: ей придется развестись с Гарри. Но чтобы все получилось, придется действовать разумно и поэтапно: сделать аборт, поступить в университет, найти работу. Если она не станет затягивать, то вскоре вырвется из этого душного ужасного дома – подальше от чудовищной тени человека, которого она когда-то любила, и поближе к нормальной жизни.

Маргарет погладила затылок Юнис.

– Я исправлю, – сказала она. – Все исправлю. Просто потерпи еще немножко.

15

На следующий день, пока Гарри трудился во дворе, она позвонила в «Центр планирования семьи». Ближайший свободный день оказался 9 ноября, и стоит вся процедура будет сто пятьдесят долларов. Женщина на том конце провода сказала, что обратно ее кто-то должен будет отвезти. Маргарет ответила, что проблем с этим не будет, и повесила трубку.

Потом она долго сидела за кухонным столом и пыталась свести баланс. Сто пятьдесят долларов на аборт, плюс десять – вступительный взнос за поступление в Техасский университет в Вандергриффе. Несколько сотен на задаток и первый месяц аренды трехкомнатной квартиры. Ну вот где ей раздобыть такие деньги? Она не могла просить у своих родителей, потому что в этом случае придется рассказать матери о том, что ее брак разваливается, как трухлявый пень. Она не могла попросить у подруг, потому что подруг у нее не было. Черт, она даже не знала, кого можно попросить подвезти ее домой из клиники.

Она пожевала кончик карандаша и посмотрела через кухню в гостиную – на книжный шкаф, полный романов ужасов. Все старые журналы и комиксы Гарри хранились в складской ячейке в центре города. Куча коробок с кучей вещей, которые, возможно, еще чего-то стоят. Гарри даже не заметит пропажи нескольких предметов, а если и заметит, то решит, что они потерялись во время какого-нибудь из переездов. Маргарет надеялась, что сама она к тому времени будет далеко.

Она обзвонила несколько ближайших магазинов, торгующих комиксами, и спросила, не интересуются ли они старыми журналами. В большинстве ответили отказом, но один магазин поделился контактами местного коллекционера по имени Джейми Уайт, и тот договорился встретиться с Маргарет завтра прямо возле склада.

На следующий день Маргарет сняла запасной ключ от складского бокса со связки Гарри, висевшей в гараже, и поехала к складскому комплексу, расположенному рядом с шоссе в противоположном конце города. Приехав, она огляделась в поисках пожилого мужчины, с которым беседовала по телефону, но единственным человеком на парковке оказалась женщина,

прислонившаяся к дверце своего автомобиля. Когда Маргарет остановилась и припарковала машину, женщина пошла к ней. Она казалась чуть моложе Маргарет, со светло-каштановыми волосами, собранными в хвост. Она была одета в джинсы и свитерок с Микки-Маусом. Причем Микки выглядел как Джин Келли из фильма «Поющие под дождем», запрыгнувший на фонарный столб.

– Маргарет? – спросила женщина. Она протянула руку, и Маргарет ее пожала. – Салли. Мы договаривались о встрече.

– Я ожидала увидеть Джейми Уайта.

– Джейми мой дядя, – ответила Салли. – Он хотел приехать сам, но задержался с другим клиентом. Иногда я ему помогаю.

Губы Маргарет скривились, она пару раз сжала кулаки. Ситуация и так ее нервировала, а тут еще отступление от плана. От этого она почувствовала себя хуже.

– Уверяю вас, я знаток своего дела, – сказала Салли Уайт. – Но если вам не по себе, то можно перенести встречу на другое время, чтобы встретиться с дядей, и...

– Нет, – перебила ее Маргарет. – Нет, это лучше сделать сегодня.

– Хорошо, – ответила Салли удивительно мягким голосом. – Ведите.

Бокс Гарри находился на четвертом этаже здания с климат-контролем. Салли присвистнула, когда Маргарет, откатив дверь, обнажила ряды девственно-белых коробок от пола до потолка, составленные на всю глубину помещения.

– Можно взглянуть? – спросила она, указав на одну из коробок.

Вдвоем они сняли коробку с верхнего ряда и поставили на пол в коридоре. Салли принялась просматривать содержимое, прикасаясь к нему с большой осторожностью. Время от времени она качала головой или негромко восклицала. Она показала Маргарет обложку журнала «Таинственные рассказы», датированную февралем 1928 года. На ней был изображен мужчина в длинном плаще с пистолетом в руке, а рядом – упавшая в обморок женщина в бальном платье. Надпись гласила: «Стол для вызова духов», Эллиот О’Доннелл.

– Можно ли поверить, что это первая публикация «Зова Ктулху»? – спросила Салли. – Даже иллюстрация совсем другая. – Она скептически фыркнула. – Все равно что выпускать «Action Comics»¹⁶ без Супермена на обложке. Хотя в то время и не такое случалось.

– Я не очень разбираюсь в комиксах, – призналась Маргарет.

– Смотрите, – сказала Салли, указав на список имен в нижней части обложки: Г.Ф. Лавкрафт, Рэй Каммингс, Сибири Квинн, Фрэнк Оуэн, Уилфред Талман, Джон Мартин Лихи. – Возможно, это самая знаковая часть всей истории литературы ужасов, а ее создатель указан лишь в сноске. С ума сойти!

Заглянув внутрь складской ячейки, Салли оглядела всю башню из коробок.

– Они все наполнены тем же самым? – спросила она.

– Журналы и комиксы. Постеры фильмов. И тому подобное.

Салли поморщилась, словно борясь сама с собой.

– В чем дело? – спросила Маргарет. – Что-то не так?

Салли вздохнула.

– Дядя прислал меня с единственным чеком. Он велел предложить вам от пятидесяти до двухсот долларов, если я увижу что-то стоящее, при условии, что вы отдадите ему все.

– Все?

Маргарет бросила взгляд на коробки. Какие чувства она бы ни испытывала к мужу сейчас, но как можно забыть те годы любви и заботы, которые Гарри вкладывал в свою коллекцию.

---

¹⁶ Action Comics – американская серия комиксов, в первом выпуске которой (Action Comics, № 1, июнь 1938 года) впервые появился супергерой Супермен, впоследствии ставший одним из самых популярных супергероев в мире. Среди коллекционеров Action Comics № 1 считается «Святым Граалем», положившим начало золотому веку комиксов.

Ему непросто было даже вывезти их из дома и оставить на другом конце города. Этот штабель из коробок составлял его мировоззрение, его личность. Так он справлялся с болезнью матери и смертью отца.

Маргарет ненавидела себя за эти сентиментальные мысли, но не могла ничего с собой поделать.

– Дядя понятия не имел, что я здесь найду, – сказала Салли. – Если бы он пришел сам, то мог бы предложить вам... ну, не знаю... пятьсот или даже тысячу.

Это было целое состояние. Такая огромная сумма мгновенно бы решила все проблемы Маргарет.

– А вы можете позвонить ему и спросить?

– Проблема в том, – ответила Салли, – что если бы вы знали, что делаете, то могли бы выручить пятьсот долларов за содержимое только одной этой коробки. Обычно я занимаюсь тем, что обманываю людей, не понимающих, что они продают. А потом перепродаю во много раз дороже. И, как правило, я делаю это с удовольствием, поскольку речь обычно заходит об одном-двух комиксах или коробочке с журналами, но вот такое... – она махнула рукой в сторону хранилища. – Это слишком много. Рекомендую сначала все каталогизировать и выяснить, сколько оно стоит на самом деле, а потом продать самой, либо позволить кому-то вроде моего дяди или меня сделать вам честное предложение.

В другое время Маргарет поблагодарила бы эту женщину за откровенность, но сейчас ей захотелось взвзвешивать.

– Очень мило, что вы пытаетесь мне помочь, – терпеливо сказала она, – но деньги мне нужны сегодня. Почему бы вам не взять эту коробку, выписать мне чек на двести долларов, и мы будем квиты?

– Я не могу, – ответила Салли.

– Прошу вас, – сказала Маргарет, не в силах скрыть отчаяние в голосе.

Салли внимательно посмотрела на нее, и Маргарет не понравился этот взгляд. Его проницаемость заставила ее почувствовать себя уязвимой.

– Значит, случилось что-то серьезное, – произнесла Салли. Это был не вопрос.

Маргарет коротко кивнула. Салли вновь порылась в коробке, вытащила оттуда около десятка журналов и положила их на пол. Затем открыла сумочку и достала оттуда ручку и сложенный чек. Расправив на коленке, она заполнила его и подала Маргарет. На чеке красовалась сумма в двести долларов.

– Я все равно вас обманула, – призналась она. – Но не так сильно.

– Спасибо, – ответила Маргарет.

Салли достала из сумочки еще один клочок бумаги, что-то нацарапала на нем и протянула Маргарет.

– Это мой домашний номер. Я не шучу. Если вы действительно захотите продать все эти вещи, то я помогу вам выручить справедливую цену. Но в таком случае мне понадобится время, чтобы точно выяснить, что у вас есть.

– Спасибо, – повторила Маргарет еще раз.

Салли встала, помогла Маргарет вернуть коробку на место и закрыть дверь. Перед расставанием они пожали друг другу руки.

– Позвоните, – напомнила Салли. – Я возьму десять процентов от окончательной суммы сделки. Между прочим, это довольно дешево.

Маргарет обналичила чек в «Western Union» и спрятала деньги на дне старой баночки из-под аспирина, лежавшей в сумке. Затем поехала в приемную комиссию Техасского универ-

ситета, заплатила вступительный взнос наличными, а остальные деньги отложила до второй недели ноября. О съемной квартире она позаботится после Хэллоуина.

Работа над Склепом кипела неистово. Семья вновь собралась вместе. Никто больше не упоминал о припадках или вспышках гнева Гарри. Маргарет гнала от себя мысли о врачах. Жизнь текла так, будто они заключили между собой молчаливое соглашение: до ноября – никаких криков, драк или споров. Это позволило им ладить и вежливо, даже почти тепло, общаться друг с другом.

Поскольку все силы были брошены на Склеп, в доме воцарился бардак. Он напоминал, скорее, рабочую зону при аттракционе во дворе, чем жилое помещение. Сидни, которая впоследствии получила некоторый опыт игры в школьном театре, впервые познакомилась со странным закулисным ароматом в собственном доме осенью 1982 года: запахи ткани, клея, пота и пыли висели в воздухе, словно призраки старых спектаклей.

И вот утром наступившего Хэллоуина Гарри повесил во дворе большую вывеску, на которой кроваво-красными потеками было написано: «СЕГОДНЯ НОЧЬЮ БЕСПЛАТНЫЙ ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ». Юнис сфотографировала моих родителей под этой надписью, а я забрал эту фотографию себе, перед тем как навсегда покинул наш дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.